

ЛБ29.43

с 28
Т. А. Седова

**ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ
И ПРАКТИКИ
НЕТРАДИЦИОННОЙ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

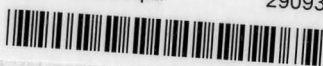
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Т. А. СЕДОВА

ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ
НЕТРАДИЦИОННОЙ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ

код экземпляра

29093

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1986

0629.43

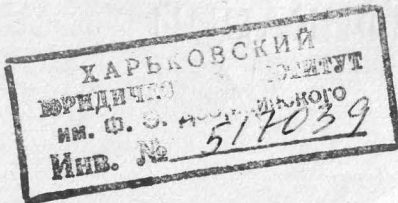
С 28

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В монографии рассматриваются современные проблемы теории и практики криминалистической идентификации объектов, которые в литературе пока еще относят к нетрадиционным. Наиболее полно проанализированы современные возможности идентификации объектов на основе их структуры и состава, показана принципиальная возможность идентификации процессов на основе обобщения экспертной и следственной практики, предпринята попытка выявить пути более эффективного использования этого вида идентификации при расследовании преступлений.

Для экспертов, судебно-следственных работников, научных сотрудников и студентов вузов.

Рецензенты: д-р юрид. наук *И. Ф. Крылов* (ЛГУ); *В. И. Мирошниченко* (Прокуратура Ленинграда)

ИБ № 2331

Тамара Алексеевна Седова

Проблемы методологии и практики
нетрадиционной криминалистической идентификации

Редактор *Е. Л. Тюлина*

Художественный редактор *А. Г. Голубев*
Технический редактор *А. В. Борщева*

Корректор *А. С. Качинская*

Сдано в набор 05.10.85. Подписано в печать 11.03.86. М-26345. Формат бумаги 60×90^{1/16}.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6.5.
Усл.-кр. отг. 6.62. Уч.-изд. л. 7.33. Тираж 4000 экз. Заказ 389. Цена 70 коп.
Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

С $\frac{1203120000-081}{076(02)-86}$ 122-86

© Издательство
Ленинградского
университета, 1986 г.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

§ 1. ПОНЯТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В теории криминалистической идентификации выделяют три этапа ее развития: с 1940 по 1950 г. — формирование общих основ теории, ее исходных положений и принципов; с начала 50-х до конца 60-х годов — формирование «объектовых» теорий; третий период (продолжающийся и в настоящее время) — пересмотр, уточнение и дополнение некоторых общих положений теории и исследование ее частных приложений (15). Однако теория криминалистической идентификации прошла в своем развитии и другие этапы — этапы широкой и узкой трактовки ее понятий. Такое «расширение» и «сужение» понятий криминалистической идентификации, с нашей точки зрения, имеет объективные предпосылки, обусловленные развитием самой криминалистики.

Первый период формирования теории криминалистической идентификации совпадает с завершением становления криминалистики как самостоятельной юридической науки. Методология криминалистики этого периода еще не освободилась от влияния естественных наук, что оказало, в свою очередь, влияние на формирование первых теоретических положений криминалистической идентификации. Именно так, как понимается идентификация в естественных науках, писал о ней и С. М. Потапов: «Идентификации могут подлежать всевозможные материальные предметы и явления, их роды и виды, количества и качества, участки пространства и моменты времени, человеческая личность в целом и ее отдельные признаки, физические свойства человека и его умственные способности, его внешние действия и внутренние психические акты» (87, с. 69).

Следующий период совпадает с интенсивным развитием научных основ и методов идентификации отдельных видов объектов. Особенно интенсивное развитие получил в этот период раздел трасологии, следствием чего явилось формирование пред-

ставления о криминалистике как науке преимущественно следоведческой. Это не могло не оказать влияния и на теорию криминалистической идентификации. С узкотрасологических позиций стали трактоваться многие ее понятия, в частности понятия объектов, природы тождества, видов идентификации и т. д. Так, широкий круг объектов криминалистической идентификации был заменен узким перечнем трасологических объектов, а сами эти объекты стали именоваться индивидуально-определенными в отличие от нетрасологических как индивидуально-неопределенных.

В литературе этого периода развивались такие положения: «В теории и практике среди объектов идентификации принято различать индивидуально-определенные и однородные предметы» (102, с. 92). Или: «Если объекты относятся к числу тех, в отношении которых вообще нельзя установить индивидуальное тождество (чернила, кровь и т. д.), исследование может состоять из ряда последовательных стадий постепенного сужения группы (тип, род, вид), но оно никогда не завершается установлением индивидуального тождества» (27, с. 80). В отрыве от логико-философской трактовки стало трактоваться и понятие криминалистической идентификации: к ней были отнесены только такие исследования, которые заканчивались установлением индивидуального тождества, установление же тождества рода, вида и т. д. было объявлено не идентификацией, а самостоятельным познавательным приемом — установлением групповой принадлежности. «Исследование, направленное на установление тождества конкретного объекта, называется идентификацией... В отличие от идентификации иногда при расследовании приходится устанавливать групповую (родовую) принадлежность, т. е. определять, к какому роду, классу относится данный объект» (101, с. 5).

Большое значение для развития теории криминалистической идентификации этого периода имели работы тех криминалистов, которые стремились преодолеть узкую трактовку криминалистической идентификации. Так, В. Я. Колдин еще в 1961 г. предложил идентификационную модель объектов, не имеющих собственной внешней формы, которая затем стала использоваться в более поздних работах (48, с. 84). О принципиальной возможности идентификации конкретных объемов и масс материалов писал в 1962 г. А. А. Эйман (124).

Большое значение для сохранения единства теории криминалистической идентификации имели работы Н. А. Селиванова и Р. А. Кентлера. Н. А. Селиванов указывал на недопустимость противопоставления понятий «идентификация» и «установление групповой принадлежности» (106). О едином процессе идентификации говорил и Р. А. Кентлер (41).

Современный период развития науки в целом характеризуется системным подходом к изучению явлений. Применение

отдельных принципов и положений этого подхода в криминалистике позволило вскрыть закономерные связи между криминалистическими объектами и явлениями. Применение системного подхода обнаружило узость многих представлений в теории криминалистической идентификации, несоответствие ряда ее концепций современному состоянию науки. Поэтому современный период развития теории криминалистической идентификации характеризуется преодолением узкого традиционного подхода в трактовке ряда ее положений и дальнейшим развитием как теории в целом, так и отдельных учений.

В связи с этим нельзя согласиться с мнением о том, что на современном этапе имеет место лишь пересмотр, уточнение и дополнение отдельных положений теории криминалистической идентификации (15, с. 207). При таком положении следует признать, что теория криминалистической идентификации остановилась в своем поступательном движении. Однако публикации последних лет свидетельствуют о значительно более интенсивном ее развитии, чем за два предыдущих периода. Современный период развития науки в целом характеризуется интеграцией знаний, системным подходом, комплексным характером исследований. Все эти аспекты нашли отражение в последних работах криминалистов. Разработано учение об идентификационных связях (103, 125), на основе системного подхода сформулировано новое понятие объекта криминалистической идентификации (50, 71), разработаны новые классификации объектов и идентификационных признаков (50, 109 и др.). Поэтому есть все основания утверждать, что в настоящее время имеет место новый этап в развитии теории криминалистической идентификации, характеризующийся кардинально новым подходом и новыми направлениями. В. Д. Грабовский и М. К. Каминский совершенно правильно пишут: «Сегодня теория криминалистической идентификации является одной из самых разработанных частных криминалистических теорий, однако это не значит, что возможности научных исследований в данной области до конца исчерпаны» (108, с. 5).

За истекший период развития теории криминалистической идентификации предпринято немало усилий, чтобы сформулировать понятие криминалистической идентификации, т. е. найти такие признаки, которые бы отличали криминалистическую идентификацию как процесс и метод от идентификации в других отраслях знаний. Однако многие предложенные признаки имеют относительный характер, и вряд ли задача отыскания признаков, которые бы позволили провести резкую грань между криминалистической идентификацией и идентификацией в других отраслях, является реальной. Так, при ее отграничении от естественно-технической указываются такие моменты: результатом криминалистической идентификации является установление конкретных фактов, естественно-технической — сход-

ство (28), естественно-техническая идентификация решает чисто техническую задачу, криминалистическая является методикой доказывания (15), отражает не технический аспект исследования, а является учением о логике криминалистического познания (107) и др. Если говорить о таком признаке, как конкретность результатов криминалистической идентификации, то в каждой науке есть свой уровень конкретности, свои критерии и параметры. Для химика вывод о том, что синтезирован белок, а не другое вещество, так же конкретен, как для криминалиста вывод о том, что отпечатки пальцев, оставленные на месте происшествия, принадлежат данному лицу. Если утверждать, что криминалистическая идентификация — это метод доказывания, то значит отрицать применение в естественных науках логических приемов, поскольку идентификация как метод познания, в какой бы отрасли она не применялась, является и техническим приемом, и методом доказывания. Различие лишь в характере доказываемых фактов и в форме процесса доказывания. Если в естественных науках форма доказывания предписывается только логическими законами, то в криминалистике (как практической деятельности) она ограничена более жесткими рамками уголовно-процессуального закона. В этом главное различие между естественнонаучной идентификацией и криминалистической.

Нельзя согласиться и с мнением о том, что в криминалистической идентификации должно быть свое понимание тождества независимо от понимания тождества в других науках (15, с. 231). Н. А. Селиванов совершенно правильно подчеркивает, что «метод криминалистической идентификации может претендовать на роль надежного инструмента познания лишь будучи основан на законах и правилах точного мышления» (107, с. 64). Действительно, специфику криминалистической идентификации как метода и как теории создают ее объекты, задачи, особый подход в решении тех или иных проблем, формы процесса доказывания, а не отличное от общепринятого истолкование логических законов, философских категорий, единых для всех наук.

Особо следует остановиться на определении криминалистической идентификации как учения о логике криминалистического познания. Бесспорно, в теории криминалистической идентификации должна быть самая полная разработка логических аспектов идентификации, в том числе и аспектов, связанных со спецификой использования ее результатов в процессуальном доказывании. Но при этом следует помнить, что криминалистическая идентификация возникла и развилась из потребностей следственно-судебной практики в использовании достижений естественно-технических наук для доказывания конкретных обстоятельств уголовного дела. Именно этот аспект определяет основные направления развития криминалистической идентификации и не потерял своей актуальности, по нашему мнению, и в

настоящее время. Выполнять роль проводника новейших данных естественных наук и техники в уголовный процесс, уметь правильно оценить их значение и возможности для решения специфических задач процессуального доказывания и быстро приспособлять эти данные для их решения — аспект достаточно сложный и не менее важный, чем разработка логических форм и методов идентификационного процесса.

Выделение же логического аспекта как определяющего в криминалистической идентификации может привести к неправильной оценке значения отдельных стадий и этапов доказывания тождества в уголовном процессе. Например, указывается, что экспертная идентификация выступает «в общем процессе судебной идентификации в качестве промежуточного этапа» (79, с. 45). Следует отметить, что теория доказательств не знает такого понятия, как промежуточный этап доказывания. Каждый этап имеет свои задачи и является самостоятельным звеном в общей цепи доказательственного процесса. Думается, ошибочен главный аргумент в обосновании тезиса о том, что научно-техническая идентификация — промежуточный этап. Данному этапу криминалистической идентификации (даже если это отдельный его акт) небезразлично, устанавливаются ли его результаты связь с событием преступления и какова степень этой связи. Следовательно, эти проблемы не находятся за пределами научно-технического этапа криминалистической идентификации.

Возвращаясь к вопросу об отличительных чертах криминалистической идентификации, следует отметить, что еще более относительны границы между криминалистической идентификацией и смежными видами (например, судебно-медицинской), поскольку их сближает общность целей — установление фактических данных, имеющих значение для доказывания обстоятельств уголовного дела. Никакие самые исчерпывающие перечни признаков не позволят провести резкую грань между смежными видами идентификации, они лишь подчеркнут некоторую их специфичность, обусловленную в основном разным характером объектов и разным подходом к решению тех или иных задач. Например, в качестве специфического признака криминалистической идентификации называется возможность ее осуществления любым участником доказывания (15, с. 239). Повидимому, данный признак характеризует не специфику идентификации, а ее уровень. На основе очевидных признаков и обыденного узнавания в принципе и судебно-медицинскую идентификацию может провести любой участник доказывания. Но на таком уровне теряют всякий смысл и специально разработанные методы идентификации, и теория в целом. Что же касается логических аспектов доказывания с использованием результатов научно-технического этапа идентификации, то они должны быть одинаково доступны участникам доказывания, независимо от вида идентификации.

Использование случайных свойств, что рассматривается рядом авторов как специфический признак криминалистической идентификации, в настоящее время все чаще имеет место в судебно-медицинской идентификации и поэтому тоже не может быть названо исключительно криминалистической чертой.

Наиболее полный перечень отличительных признаков был в свое время предложен М. Я. Сегаем. Однако оценив относительный характер этих признаков, М. Я. Сегай пришел к совершенно правильному выводу, что следует говорить не о криминалистической, а судебной идентификации (103). Исходя из единой задачи всех видов идентификации в уголовном процессе, мы в свое время также считали более целесообразным использовать термин судебная, а не криминалистическая идентификация.

Однако в последние годы именно в рамках криминалистической идентификации удалось разработать и теоретически обосновать новый подход, позволивший решить проблему установления единичных объектов, нетрадиционных для криминалистики, и тем самым способствовать эффективному доказыванию конкретных обстоятельств при расследовании уголовных дел. Это послужило основанием и за рубежом, и в нашей стране задачу выделения единичных объектов любого вида приписывать криминалистической идентификации как ее специфическую черту, исключительно ей принадлежащую и вычленяющую ее из других видов судебной идентификации. Поэтому на данном этапе развития судебной идентификации, когда задача выделения единичных объектов, общая для всех видов судебной идентификации, получила свое практическое решение только в рамках криминалистики, есть основание рассматривать эту направленность идентификации в криминалистике как ее отличительный признак и выделять из других видов судебной идентификации, именуя криминалистической.

До настоящего времени вопрос о месте и роли идентификации в криминалистике как науке и в практической деятельности однозначно не решен. Дискутируется, является ли идентификация методом познания и методом доказывания в практической деятельности (103, 50, 107) или же она, являясь частнонаучной теорией криминалистики, в практической деятельности представляет собой лишь процесс исследования, а не метод (15).

Следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что любой метод как способ познавательной или практической деятельности реализуется в процессе исследования. Нельзя противопоставлять метод, задачу и процесс исследования, так как они являются различными сторонами понятия судебной идентификации (103). Действительно, понятие метода как способа достижения истины, пути исследования включает в себя и процесс, и задачу. Точно так же нельзя противопоставлять понятие метода понятию теории науки, поскольку метод

неразрывно связан с теорией и представляет собой удостоверенную практикой теорию. Именно такой удостоверенной практикой теорией является и криминалистическая идентификация. Метод любой науки всегда выступает в роли объединяющего начала практики и теории. Тот факт, что в криминалистике сформировалось самостоятельное учение, говорит о важной роли криминалистической идентификации именно как о методе познания и доказывания.

Входя в качестве составной части в общую систему методов науки криминалистики, метод криминалистической идентификации как метод конкретной науки является частнонаучным, но он одновременно является и специальным методом, поскольку разработан в рамках криминалистики для решения специфических задач. Понятия «частные» и «специальные» методы обычно приводятся как структурные элементы одной и той же классификации. Представляется, что здесь имеет место смешение двух оснований классификации: степени общности и степени генетической связи, принадлежности к криминалистике. Тот или иной метод, являясь специальным по своему происхождению, может быть частным в системе методов науки.

В настоящее время приемы идентификации находят все большее распространение в самых различных отраслях науки и техники. Несмотря на то, что в каждой отрасли эти приемы имеют свою специфику, одновременно формируются общие правила и принципы метода. Это обстоятельство, а также проникновение идентификации в самые различные области для решения все новых и новых частных задач дает основание полагать, что в ближайшем будущем этот метод может перейти в разряд общенаучных.

§ 2. ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Определяющим моментом методологии любой науки является понятие ее объекта. Большой вклад в разработку учения об объектах криминалистической идентификации внесли В. Я. Колдин, В. С. Митричев, М. Я. Сегай, Н. А. Селиванов, А. А. Эйсман и др. Однако вопрос об объектах криминалистической идентификации остается до настоящего времени наиболее дискуссионным. Споры чаще всего вызывает круг объектов криминалистической идентификации, в то время как этот вопрос тесно связан с понятием объекта криминалистической идентификации и должен решаться, исходя из этого понятия. Определение же понятия объекта криминалистической идентификации, т. е. построение его гносеологической и информационной моделей, представляет большую сложность, и вряд ли есть основание утверждать, что такие модели получили к настоящему времени завершенное построение.

Понятие объекта криминалистической идентификации связывается с такими философскими категориями, как индивидуальность, отдельность, единичность. Однако содержание данных категорий, как и любых философских категорий, носит широкий характер и приложимо к понятиям любой общности. Так, например, А. П. Шептулин пишет: «Отдельная группа предметов по отношению к единичному и общему ведет себя точно так же, как и всякий отдельный предмет. Она тоже представляет собой единство единичного и общего, в ней тоже есть черты, неповторимые, присущие только ей, и черты, повторяющиеся в других группах или отдельных предметах» [117, с. 120].

Следовательно, понятие единичности, индивидуальности, которое часто рассматривается в теории криминалистической идентификации как совершенно однозначная конкретная характеристика ее объектов, приложимо к любому материальному образованию, имеет уровни и степени. Конкретизация содержания этого понятия, определение его уровня могут быть произведены только исходя из задач познания той или иной области.

Задача криминалистической идентификации, как и криминалистического познания в целом, определяется задачами процессуального доказывания — по каждому уголовному делу должны быть доказаны событие преступления, т. е. время, место, способ совершения преступления; виновное лицо (ст. 68 УПК РСФСР). Следовательно, событие преступления всегда должно быть определено как существующее в конкретном пространстве и времени. Способствовать решению данной задачи может установление таких объектов, которые представляют собой какую-то конкретную сторону, момент единичного события преступления и как его сторона также являются единичными. Следовательно, мера единичности объектов криминалистической идентификации задается событием преступления, его конкретными пространственно-временными рамками.

В криминалистической литературе часто допускается отождествление понятия единичного с понятиями отдельного, особенного [28, 41, 71, 103, 108]. Между тем разграничение этих понятий имеет существенное значение для правильного определения объекта криминалистической идентификации.

С позиций диалектики единичное выступает не как понятие, тождественное отдельному, а как неповторяющиеся, присущие только данному объекту свойства, следовательно, единичное, так же как и общее, — это стороны отдельного. Именно о таком соотношении этих понятий писал В. И. Ленин: «Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного» [6, с. 318].

В. И. Кириллов совершенно правильно пишет, что «понимание единичного как отдельного, а общего как класса однородных предметов не выходит за пределы формально-логической

интерпретации и выражает не стороны самого объекта, а субординацию различных по объему понятий» [42, с. 75].

Отдельное — это реальный, объективно существующий объект (вещь, явление, процесс), в котором его различные стороны не выделены. Единичное выступает в отдельном в единстве с общим. Но в познавательном процессе отдельное расчленяется, его стороны изучаются изолированно. Познание общего, т. е. общих закономерностей развития и функционирования, сущности объектов составляет предмет базовых наук: физики, химии, биологии и т. д. Криминалистика лишь использует их. Суммирование общих характеристик, даже самое полное, не может привести к решению задачи криминалистической идентификации. Изучение общего в отдельном в криминалистике необходимо для более полного и точного вычленения единичного, правильной оценки его значимости. С этой же целью криминалистика изучает и особенное. Как синтез общего и единичного особенное позволяет познать в отдельном стороны, выделяющие данный объект среди ему подобных, поэтому особенное всегда познается в сравнении с подобным (например, данный пистолет ПМ отличается от других пистолетов ПМ). Однако в криминалистической идентификации важно выделить такую сторону отдельного, которая позволяет определить объект сам по себе (данный пистолет ПМ именно тот, который применялся в момент события преступления). Такой стороной в отдельном является единичное. Его познание и составляет собственно задачу криминалистической идентификации.

В криминалистической идентификации как практической деятельности отдельное и единичное выступают как один и тот же объект на разных этапах этого процесса. Если на начальном этапе объект криминалистической идентификации выступает как отдельное, то ее завершающим этапом является выделение единичного, неповторимого в этом отдельном. Нельзя, например, согласиться с мнением, что в стадии подготовки материалов на экспертизу перед следователем стоит задача индивидуального определения объекта. «В отношении ряда элементов вещной обстановки их индивидуальное определение не вызывает особых затруднений... Несколько сложнее следователю дать индивидуальное определение тел... не имеющих собственной фиксированной формы» [71, с. 21]. Совершенно очевидно, что на этом этапе доказывания речь может идти не об индивидуальном определении объекта, а о его определении как отдельного материального образования, где единичные свойства еще не выделены.

В. Я. Колдин совершенно правильно считает, что идентифицируемый объект как система свойств может быть определен только в процессе идентификации [50]. И это тем более актуально в отношении объектов нетрадиционной идентификации.

Такое понимание соотношения отдельного и единичного

имеет принципиальное значение для построения криминалистических идентификационных методик, которые должны быть целенаправлены прежде всего на выделение единичных характеристик объектов, а не на суммирование общих, необходимо присутствующих свойств. С нашей точки зрения, небольшой удельный вес установления единичных объектов нетрадиционной идентификации главным образом связан с тем, что в большинстве методик отсутствует жесткая схема выделения единичных характеристик идентифицируемых объектов.

Именно такая целенаправленность задачи криминалистической идентификации согласуется и с задачами процессуального доказывания. По каждому уголовному делу должно быть доказано, что тот или иной объект в данном событии существует не только как отдельное материальное образование, т. е. отделенный от других, но и что этот объект в данном событии является единственным, т. е. единичным.

Понимание единичного как системы неповторимых свойств отдельного позволяет рассматривать объект криминалистической идентификации не только как отдельное физическое тело, но и множественный объект, состоящий из совокупности отдельных физических тел, поскольку системой неповторимых свойств может характеризоваться и множественный объект. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что неоправданным является «введение в криминалистику и судебную экспертизу таких понятий, как идентификация только конкретного единичного объекта» [71, с. 25].

Какие признаки характеризуют определенность объекта криминалистической идентификации как единичного?

Установление определенности объекта представляет собой противоречивый процесс. В. И. Ленин указывал: «В жизни в движении все и вся бывает как „в себе“, так и „для других“ в отношении к другому, превращаясь из одного состояния в другое» [8, с. 97].

Известны два подхода в понимании определенности объекта: пространственный и качественный [50, 114]. Пространственный подход, именуемый традиционным, связывает определенность объектов с определенностью его пространственных границ, определенным занимаемым в пространстве объемом. Качественное же понимание объекта, т. е. как системы качеств, по мнению А. И. Умова, более соответствует представлениям современной науки и имеет ряд преимуществ по сравнению с пространственным, так как дает возможность более широкого понимания вещей, однозначного соответствия между вещами и понятиями и др. [114].

Представляется, что ни пространственный, ни качественный подход, взятые каждый в отдельности, не решают криминалистической задачи определения объекта как единичного.

Пространственный подход в понимании объекта криминали-

стической идентификации получил распространение в теории традиционной криминалистической идентификации. Сторонники этого подхода, отождествив понятие отдельного с понятием пространственной определенности, тем самым сузили понятие объектов идентификации до объектов, имеющих внешнюю устойчивую форму, т. е. предметов. В философской литературе отмечается, что пространственные характеристики наиболее наглядны [42, 114]. Поэтому, по-видимому, они и получили такое распространение в первый период развития идентификации. Пространственное понимание объектов привело к тому, что криминалистическая идентификация разрабатывалась преимущественно как узкий односторонний метод исследования внешней формы объектов. Вся информация, отражающая специфику внутреннего строения объектов, своеобразии связей внешней и внутренней структур оставались за пределами криминалистической идентификации.

Применение качественного подхода в криминалистической идентификации позволило расширить понятие объекта и раздвинуть его информационные рамки [50, 71]. Качественный подход дал возможность обосновать определенность, отдельность и тех объектов, которые не имеют собственных пространственных границ. Однако качественный подход не решает проблему определения объекта криминалистической идентификации как единичного.

Качественный подход, с позиций которого объект рассматривается как совокупность, система качеств, не отделяет в этой системе специфического, неповторимого от необходимого, общего.

И. Ф. Лукьянов совершенно правильно пишет: «Специфика качественного определения предмета заключается в том, что всякий признак предмета (его сторона, характеристика) используется целостно, неделимо. Целостность рассмотрения состоит в отвлечении от степеней проявленности, уровня интенсивности признака, участвующего в процессах отождествления и различения» [67, с. 63].

Именно эти степени проявленности, уровни интенсивности признаков и составляют понятие «неповторимость», «единичность» объекта.

В криминалистической идентификации задача выделения систем свойств, систем качеств не ставится, а сам процесс идентификации не может быть представлен как интегрирование этих свойств и качеств. Например, А. И. Уемов так характеризует процесс качественного определения объекта: «...продолжая этот процесс, мы в конце концов получим такую совокупность качеств, которой будет достаточно для выделения данной вещи из множества всех других вещей» [114, с. 40].

А. П. Шептулин подчеркивает, что единичное не вытекает из природы элементов, образующих данную, относительно устой-

чивую систему движения и необходимых условий образования и существования этой системы. Оно обусловлено случайным стечением обстоятельств, вызывается единичными, индивидуальными моментами, сторонами обстоятельств, в которых протекает существование того или иного материального образования [117]. Такими единичными моментами, сторонами обстоятельств является существование объекта в условиях конкретного пространства и времени. «Даже кусок золота через тот факт, что он занимает данное конкретное пространство, выступает как единичное» [117, с. 122].

Единичность объектов криминалистической идентификации обусловлена прежде всего их существованием в конкретной обстановке события преступления, взаимодействием и взаимосвязью с другими объектами материальной обстановки данного события. Это может быть вскрыто только на основе изучения пространственной локализации исследуемого объекта как элемента материальной обстановки. Специфичность, неповторимость признаков, как правило, не могут быть выведены из самой же выявленной системы признаков, такая оценка может быть дана только на основе изучения условий существования объекта в конкретном пространстве и времени. Г. А. Подкорытов пишет: «Конкретность предмета в действительности состоит в неповторимом сочетании составляющих его частей, связанном с условиями времени и места» [85, с. 48].

Следовательно, понятие объекта криминалистической идентификации как единичного должно включать не только признаки качественной, но и пространственной определенности.

Необходимость включения в понятие объекта криминалистической идентификации признаков пространственной определенности связана и с тем, что задача вычленения из материальной обстановки события преступления объекта, подлежащего отождествлению, лежит на следователе. Именно на основе пространственной, а не качественной определенности следователь, как правило, может произвести такое выделение.

До настоящего времени остаются дискуссионными некоторые аспекты информационного содержания объектов криминалистической идентификации. Данный вопрос тесно связан с вопросом о формах и видах отражения как источниках криминалистической информации.

В философской литературе, посвященной исследованию уровней и форм отражения, отмечается, что нередко приходится встречаться с абсолютизацией некоторых частных интерпретаций отражения [56, 84]. Думается, что подобное явление имеет место и в криминалистической идентификации, где все многообразие форм отражения неорганического уровня длительное время сводилось к единственной, самой элементарной форме — к механическому отражению, причем последнее понималось преимущественно как результат направленного внешнего воз-

действия. Даже в работе, где совершенно правильно подчеркивается многоаспектность понятия отражения, акцентируется внимание на понятии отражения как способности материальных объектов, воспринимая энергию «внешнего воздействия, фиксировать в изменениях внешнего строения особенности воздействующих объектов» [108, с. 10]. Любое частнонаучное определение понятия отражения, отличаясь по степени универсальности от философского понятия, тем не менее должно охватывать существенные признаки всех форм и видов отражения, изучаемых данной отраслью.

Ограничение форм отражения криминалистических объектов лишь механической формой, во-первых, привело к тому, что отражение таких сложных явлений, как, например, функционально-динамические комплексы, было поставлено в один ряд с отражением внешнего строения и, как правило, включалось в одну классификационную группу [107, 109]. То же самое можно сказать и об образном отражении в сознании, включаемом в одну классификационную группу со следами внешнего строения [103]. По существу — это отражение не только другой формы, но даже и другого уровня — органического, его высшая форма. Во-вторых, некоторые моменты, присущие органическому уровню, были перенесены в механическое отражение. И, наконец, в-третьих, сведение всех видов отражения неорганического уровня только к механическому, а последнего — к результату внешнего воздействия, значительно сузило информационные возможности объектов криминалистической идентификации. Неорганический уровень отражения характеризуется и физическими, химическими формами отражения. К тому же механическое отражение, как правило, не выступает в чистом виде, изолированно от других форм отражения. Б. С. Украинцев пишет: «...ни про одно явление в неживой природе нельзя сказать, что оно чисто механическое, тепловое, электрическое и т. д., то есть очищенное от всего внешнего» [115, с. 87]. Кроме того, представление механического отражения преимущественно как внешнего воздействия привело к тому, что длительное время при идентификации целого по частям не использовалась информация, связанная с взаимодействием элементов внутренней структуры целого и внутренним взаимным отражением особенностей этого взаимодействия. Между тем в работах философов даже относительно раннего периода разработки проблем теории отражения постоянно это подчеркивалось [напр., 83].

В криминалистической литературе вопрос о внутреннем взаимодействии и взаимоотражении впервые был рассмотрен М. Г. Сегаем [103]. Однако сложный процесс внутреннего взаимодействия и взаимоотражения не может быть перенесен на процесс отражения внешнего строения объекта, который является направленным взаимодействием. Данное положение подробно проанализировано и развито в работах В. Я. Колдина

[50], Р. С. Белкина [15] и др., в которых убедительно показано, что «отражение — это передача материи и движения, а следовательно, и информации от оригинала к его отображению, следу, но не наоборот, не может быть отражения, передачи информации от следа к оригиналу, от идентифицирующего объекта к идентифицируемому» [50, с. 18].

Истинность этого положения можно обосновать и анализом понятия взаимодействия как процесса отражения. Можно выделить несколько значений этого понятия применительно к процессу отражения: 1) взаимодействие как преимущественное направление взаимодействия от одного объекта к другому [115]; 2) взаимодействие как проявление внешнего воздействия через внутренние особенности предмета [68]; 3) взаимодействие как реагирование отражающего объекта на отраженную информацию и ее использование в целях саморегуляции и самоуправления через обратную связь [84]. Таким образом, понятие обратной связи приложимо только к органическому уровню отражения и кибернетическим системам [84].

В некоторых работах последнего периода, посвященных проблемам криминалистической идентификации, акцентируется внимание на том, что криминалистическая идентификация направлена на установление не объекта в его различных отношениях и состояниях, а на установление взаимодействия [108], связей [54]. Это требует рассмотрения соотношения таких понятий, как взаимосвязь, взаимодействие, отражение, идентификация.

Учение о связях криминалистических объектов нашло подробную разработку как в работах основоположников этого учения А. А. Эйсмана [125], М. Я. Сегая [103], так и в более поздних работах, например Н. А. Селиванова [109] и др. Однако следует согласиться с В. Е. Корноуховым [54], что понятие связи не получило еще однозначной трактовки и существует несколько подходов даже в философской литературе. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением о том, что трактовка связи как результата взаимодействия является наиболее правильной, чем стороны отношений [54]. Прежде всего следует вспомнить известное положение Энгельса: «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел... В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они действуют друг на друга и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение» [1, с. 392].

Из этого положения следует, что понятия взаимосвязь и взаимодействие — скорее однопорядковые. Поэтому не лишено основания рассмотрение некоторыми философами взаимодействия как вида взаимосвязи [напр., 68]. С нашей точки зрения, важно и другое. Понятие связи как результата взаимодействия не дает возможности проследить разные уровни связей, что очень важно как в идентификационном процессе, так и в про-

цессуальном доказывании. А. А. Эйсман совершенно правильно говорит, что связи реального события лежат в разных плоскостях и на разных уровнях [125].

Понимание связей как стороны отношений позволяет вскрыть эти уровни и плоскости. Применительно к процессу отражения отношения взаимодействия и взаимосвязи выступают как отношения первого порядка, на основе которых формируются процессы отражения как отношения второго порядка [84]. Таким образом, не «на основе... различных способов отражения... образуются самые различные виды и типы связей» [103, с. 85], а в основе различных способов отражения лежат различные типы и виды связей. Следовательно, идентификационные связи выступают как отношения первого порядка, на основе которых формулируются отношения тождества как отношения второго порядка. Есть отношения и третьего порядка — связь отождествленного объекта с событием преступления.

В криминалистической идентификации (экспертизе) связи изучаются для познания объекта, источника информации. Поэтому вряд ли можно говорить о связях как о предмете экспертизы [54]. Совершенно правильно Н. А. Селиванов в качестве главного элемента в определении предмета экспертизы выделяет факт, а затем связи и отношения, обусловившие данный факт [110].

То же самое можно сказать и о соотношении понятий взаимодействия и тождества. Например, утверждается, что при идентификации на разрешение эксперта «ставятся вопросы, связанные с установлением факта взаимодействия» [108, с. 19]. Отношение взаимодействия как отношение первого порядка выступает основой отображения, отображение же — его продуктом [68]. Следовательно, взаимодействие в идентификации — лишь основа, а не цель этого исследования, которое направлено на анализ отношения второго порядка — отображение — отображаемое. Его целью является установление источника направленного воздействия — воздействовавшего объекта (о чем и ставятся, как свидетельствует практика, вопросы).

С вопросом об информационной характеристике объектов криминалистической идентификации связаны понятия адекватности и соответствия. Однако содержание этих понятий в ряде работ связывается с частными случаями отражения криминалистических объектов или, напротив, им придается значение универсальных категорий. Так, применительно к материально-фиксированным отображениям различают полную адекватность (возможна при идеальных условиях отображения) и неполную (неполное и неточное запечатление признаков предмета в его копии в силу неблагоприятных условий отображения) [108,

с. 43].* Такое понимание адекватности вызывает возражения. Во-первых, о полной адекватности применительно к отображению вообще неправомерно говорить. Б. С. Украинцев совершенно правильно подчеркивает, что адекватность не следует понимать как переход подобного в подобное. Оригинал и его отображение всегда находятся в отношении диалектического тождества [115, с. 111]. Во-вторых, проблема адекватности, выделение ее степеней, по нашему мнению, имеет отношение только к познавательному отражению. Следует согласиться с теми философами, которые считают, что понятие адекватности характеризует не всеобщее свойство отражения, а специфическую сторону форм отражения, присущих только органической и социальной формам движения материи [68]. Что же касается неорганического уровня, то любые изменения взаимодействующих объектов неорганической природы детерминированы, их соответствие обеспечивается законами сохранения вещества и энергии. Поэтому в неорганической природе существует объективно необходимое соответствие между отображением и оригиналом.

Для характеристики степени соответствия между отображаемым и отображением неорганического уровня используются понятия изо-, гомо-, полиморфизма. Но и этим понятиям не следует придавать универсального значения. Они приложимы к реальным объектам только в том случае, когда при их изучении отвлекаются от физической природы, качественных особенностей. Совершенно правы те философы, которые подчеркивают, что математические понятия изо-, гомо-, полиморфизма не могут выразить всю сложность процесса отражения. М. Янков правильно пишет, что данные понятия не выражают тождества физических элементов и процессов [141]. Полностью следует согласиться и с мнением Б. С. Украинцева: «Данные понятия хорошо выполняют свою служебную роль в определенных границах, а за этими границами становятся неопределенными и даже просто неверными, мешающими правильному анализу явлений объективного мира» [115, с. 130]. Аналогично оценивает значение этих понятий И. Ф. Лукьянов: «У всякого частнонаучного понятия, у всякого конкретного метода исследования есть свой предел, за которым он не может дать верный результат» [68, с. 55].

* Неблагоприятные условия отражения иногда рассматриваются как ограничитель использования индивидуальных свойств, так как они теряются. «Теряются» свойства потому, что мы не располагаем на современном уровне науки методами их обнаружения в измененном состоянии, а также других систем свойств, которые еще не изучены (в этом и состоит свойство отражения — адекватность). Поэтому главным ограничителем чаще является уровень науки, о чем свидетельствует вся история развития методик индивидуальной идентификации. Например, «смазанные» отпечатки рассматривались как не содержащие идентификационной информации. Однако теперь оказалась возможной «дешифровка» таких отображений, а также использование информации микроуровня.

Тем более неправомерно, с нашей точки зрения, соотношение понятий изо-, гомоморфизма с понятиями индивидуального и группового тождества [108]. Соотносить эти понятия — значит отождествлять отражение с информацией или понимать отражение как потенциальное свойство.

На основе проведенного анализа некоторых положений теории отражения рассмотрим традиционное деление объектов криминалистической идентификации на идентифицируемые и идентифицирующие. Большинство авторов соотносит эти понятия с понятиями «отражаемый» и «отражающий» объекты [108, 49 и др.]. Однако такое соотношение оправдано только лишь в том случае, когда процесс отражения представляет собой направленное внешнее воздействие. При идентификации целого по частям отражение носит более сложный характер и не укладывается в схему элементарного акта механического отражения. Поэтому подобное однозначное соотношение при идентификации целого по частям не может иметь места. В процессе внутреннего взаимодействия и взаимоотражения не может быть полярного разделения объектов на отражаемый и отражающий, так как любая часть не может выступать лишь отражением целого, иначе она являлась бы не частью этого целого, а копией.

Поскольку не во всех видах криминалистической идентификации может иметь место однозначное совпадение понятий идентифицируемый—идентифицирующий и отражаемый—отражающий, в качестве основания деления объектов на идентифицируемые и идентифицирующие, с нашей точки зрения, более правильно использовать такой признак, как их роль в идентификационном процессе: идентифицируемый — тот объект, тождество которого должно быть установлено, идентифицирующий — тот, с помощью которого может быть произведено такое установление. Именно этот признак и использовался С. М. Потаповым, который ввел данное деление объектов [87].

Некоторые авторы связывают эти понятия с ролью объектов не только в идентификационном процессе, но и процессуальном доказывании, например понимают идентифицируемый объект как причинно связанный с событием преступления [54]. Понятия «идентифицируемый объект» и «причинно связанный с событием преступления» — не всегда совпадающие. Идентифицируемый объект только тогда причинно связан с событием преступления, когда доказана относимость к этому событию идентифицирующих объектов. Если такой связи при последующем доказывании не обнаруживается, роль этих объектов в идентификационном процессе не изменяется.

Вместе с тем связывание данных понятий только с ролью объектов в идентификационном процессе отрывает криминалистическую идентификацию от процессуального доказывания, не подчеркивает единства их целей и приводит к тому, что установление идентифицируемого объекта рассматривается лишь

как предпосылка установления искомого объекта [50], а установление конкретных объектов на научно-техническом этапе идентификации — как промежуточный этап установления обвиняемого, подозреваемого и т. д. [79].

Такое понимание роли криминалистической идентификации (ее научно-технического этапа) неправомерно прежде всего потому, что отнесение в идентификационном процессе к идентифицируемым объектам человека или принадлежащих ему предметов, а к идентифицирующим — следов, частей (частиц) этих объектов и т. д., отражает наиболее типичную ситуацию в процессуальном доказывании: так же как в идентификационном процессе требуется установить конкретное лицо, предмет и это установление возможно на основе исследования следов, частей объектов, так в процессуальном доказывании требуется доказать относимость к событию преступления конкретного человека или принадлежащих ему предметов и эта относимость доказывается на основе относимости следов, частей предметов (чаще на месте происшествия остаются пуговицы, хлястики, а пиджаки, пальто уносятся, а не наоборот). Следовательно, деление объектов на идентифицируемые и идентифицирующие в идентификационном процессе отражает наиболее типичную практику процессуального доказывания.

При типичной ситуации процессуального доказывания, т. е. доказанности относимости следов к событию преступления, идентификация, например, орудий преступления (и других предметов действия) устанавливает их однозначную связь с событием преступления, их единичность в этом событии. Но если возможно на этапе научно-технической идентификации установление однозначной связи с событием преступления орудий преступления и других предметов действия, то логично предположить, что на этом же этапе принципиально возможно и установление однозначной связи конкретного лица с событием преступления.

Поэтому будущее криминалистической идентификации мы видим в разработке таких методов, которые бы позволяли выделять конкретное лицо как единичное именно в данном событии преступления. Задачей криминалистической идентификации является установление не абстрактно единичного, а единичного в данном событии преступления. Именно так, по нашему мнению, следует понимать единичность объектов криминалистической идентификации, в этом специфика, конкретизация криминалистического содержания понятия единичного.

С нашей точки зрения, установление конкретного лица как единичного в данном событии преступления (а, следовательно, однозначно связанного с событием преступления) — задача принципиально возможная даже средствами научно-технического этапа идентификации. Уже на современном уровне развития криминалистических методов, например, традиционная

цепь доказывания пуля — пистолет — стрелявший — событие преступления модифицировалась в цепь выстрел — стрелявший — событие преступления, что стало возможным в результате разработки метода установления продуктов выстрела на кожных покровах стрелявшего. В связи с интенсивным развитием в технике и естественных науках методов идентификации процессов вполне реально в будущем разработка методов идентификации единичных процессов, например метода, который позволит установить, что продукты выстрела на стрелявшем и жертве принадлежат процессу одного и того же выстрела или их происхождение одномоментно.

Установление лица, единичного в событии преступления, мы видим через идентификацию процессов, действий и т. д. Например, и на современном уровне развития криминалистических методов при установлении факта контактного взаимодействия жертвы и преступника в некоторых ситуациях доказывается непосредственная связь именно с событием преступления.

Ряд криминалистов вообще отрицает принципиальную возможность идентификации процессов на том основании, что отсутствует сам процесс как объект изучения. Однако непосредственное изучение процессов невозможно не только в криминалистических целях, но и в любой другой области, вместе с тем такие процессы изучаются и идентифицируются достаточно точно. Непосредственное изучение процессов не только мега-, субмикроразмерной, но и обычного макроуровня невозможно. Любые непрерывные процессы (например, энергетические и др.) не могут быть изучены непосредственно. В этом смысле изучение таких процессов всегда носит ретроспективный характер. С этой целью разрабатываются методы их идентификации по тем или иным параметрам результатов и задачей такой идентификации является установление особенностей не процесса вообще, а процесса, ограниченного конкретными пространственно-временными рамками [39].

В связи с рассмотренным представляется неправомерным отнесение к объектам идентификации только статических компонентов материальной обстановки события преступления [80]. Деление объектов на статические и динамические является весьма условным и для традиционной идентификации. Что же касается идентификации объектов на основе структуры и состава, то выявление их специфичности, т. е. единичности в расследуемом событии, как правило, невозможно без анализа механизма «жизни» этих объектов, динамики их взаимодействия с окружающей средой, иными словами, анализа их реактивности, подвижности, изменчивости [80]. С другой стороны, если динамический объект (процесс, явление, событие и т. д.) отразился в материальной среде, то, следовательно, он также обладает элементом статики. Исключить динамические компоненты из объектов нетрадиционной идентификации — значит лишить их ин-

дивидуальности, затормозить развитие криминалистических методов идентификации процессов. Именно такое положение имело место в отношении идентификации объектов на основе состава и структуры, когда длительное время в традиционной идентификации признавалась возможность установления единичных объектов только на основе внешнего строения.

Завершая рассмотрение вопроса об объектах криминалистической идентификации, следует еще раз подчеркнуть, что в соответствии с задачами судебного доказывания объектом криминалистической идентификации следует считать все то, что может быть выделено в материальной обстановке события преступления как единичное, и его установление входит в задачу доказывания.

§ 3. ВИДЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В криминалистической литературе в настоящее время выделено семь оснований классификации видов и форм криминалистической идентификации: 1. Тип идентифицируемых объектов [108, 109] (вид идентифицируемых объектов [15]). 2. Состояние отождествляемого объекта (нерасчлененный объект, части) [15]. 3. Характер отображения [49, 109, 15 и др.] (формы отражения [103]). 4. Методы идентификации [109]. 5. Природа тождества [107, 109]. 6. Правовая природа [15] (процессуальная и непроцессуальная формы [103]); характер действий, в рамках которых осуществляется идентификация [109]. 7. Субъекты идентификации [51, 87, 15].

Представляется, что при разработке данной классификации в качестве оснований важно использовать такие признаки, которые имеют существенное значение, обуславливают особый подход при создании специальных методик как исследования, так и использования полученных результатов в процессе доказывания. С этой точки зрения все виды криминалистической идентификации могут быть классифицированы по следующим основаниям: 1) вид отражения; 2) характер информации, используемой при идентификации; 3) результаты, которыми завершается процесс идентификации; 4) характер действий, в рамках которых осуществляется идентификация.

I. При классификации видов идентификации в зависимости от видов отражения в криминалистической литературе обычно используется такой признак, как способ фиксации отраженной информации, в соответствии с которыми выделяют: материально-фиксированное отображение, описание, запечатление в памяти [15, 49, 109]. М. Я. Сегай выделяет три формы отражения в зависимости от того, что является носителем отраженной информации: отображение свойств отождествляемых объектов на других предметах или в сознании людей; взаимное отражение свойств отождествляемых объектов в результате их разде-

ления; отражение свойств общего слепообразующего объекта на нескольких однородных объектах [103].

По нашему мнению, при построении классификации по данному основанию следует исходить из принятого в философской литературе деления видов отражения прежде всего в зависимости от их уровня: 1) виды отражения неорганического уровня; 2) виды отражения органического уровня. Внутри каждой из этих групп для криминалистической идентификации существенное значение имеет выделение видов отражения по характеру взаимодействия.

В группе неорганического уровня отражения следует выделить: а) отражение как результат внешнего направленного воздействия, следствием чего является образование следов, отпечатков; б) взаимоотражение частей целого как результат внутреннего взаимодействия; в) отражение как результат взаимодействия внешних причин и внутренних особенностей объектов.

На органическом уровне следует выделить образное отражение. Представляет большую сложность выделение конкретных видов органического отражения, которые изучаются в криминалистической идентификации (в том числе и высшей формы отражения — образного). По-видимому, даже информация о различных видах функционально-динамических навыков имеет своим источником разные формы и виды отражения. Но совершенно очевидно, что данные виды отражения не могут быть объединены в одну общую группу с видами материально-фиксированного отображения неорганического уровня, как это имеет место в ряде работ. Думается, что эти вопросы не получили еще достаточной разработки в криминалистике.

II. По характеру изучаемой информации можно выделить следующие виды идентификации: 1) по особенностям внешнего строения; 2) на основе структуры и состава; 3) на основе функционально-динамических особенностей.

В криминалистической литературе вызывает дискуссии второй вид идентификации. Указывается, что он не может быть отнесен к криминалистической прежде всего на том основании, что объектами криминалистической идентификации являются индивидуально-определенные тела, обладающие устойчивым внешним строением [15, 28]. Утверждается также, что этот вид идентификации не может считаться криминалистическим и потому, что его задачей является установление субстрата различных веществ, в то время как цель криминалистической идентификации — установление индивидуально-конкретного тождества конкретных объектов [28]. И, наконец, указывается, что этот вид идентификации требует применения химических, физических и иных естественнонаучных, но не криминалистических методов и должен осуществляться химиками, физиками, биологами и иными специалистами, которые не являются криминалистами [15], а лишь «нарекаются криминалистами» [28].

Если начать с последнего аргумента, то, во-первых, следует заметить, что для исследования самого сложного по своей многокомпонентности и неустойчивости биологического объекта, каким является одорологический объект, который отнесен сторонниками данной позиции (и в этом их непоследовательность) к числу криминалистических [15, 28], также требуются и физические, и химические, и биологические и иные естественнонаучные методы, и применение этих методов должно осуществляться физиками, химиками, биологами и т. д. Во-вторых, понятие «криминалист» и в зарубежной, и в отечественной практике давно уже не связывается с понятием специалиста, имеющего юридическое образование. Сейчас криминалист — это тот специалист, который занимается обнаружением, фиксацией и исследованием объектов, и целью такого исследования является выявление единичности. Физики, химики, биологи и другие специалисты, которые работают в экспертных учреждениях, не только владеют методами и приемами обнаружения, фиксации объектов, не только хорошо понимают задачи идентификационных методик, направленных на установление единичных объектов, и владеют ими, но и имеют теоретические знания в области криминалистической идентификации, теории доказательств, уголовного процесса. Таким образом, они владеют всем комплексом специальных знаний эксперта-криминалиста, и нет никаких оснований для утверждения, что только эксперт-криминалист (т. е. специалист с юридическим образованием) может дать оценку «полученных результатов решения экспертных задач в неотрывной связи с обстоятельствами расследуемого дела» [28, с. 179], как нет и основания для утверждения, что такие специалисты лишь «называются криминалистами» [28, с. 128]. Следует также напомнить, что и в традиционной криминалистической экспертизе криминалисты с юридическим образованием все более становятся нетипичным явлением.

Такой аргумент, как применение физических, химических и других естественнонаучных методов в данном виде идентификации [15, 28], нельзя признать доказательством, во-первых, потому, что и в традиционной идентификации применяются естественнонаучные методы, во-вторых, специфику той или иной идентификации создают не методы, а подход в применении этих методов, т. е. методики. Очевидно, нельзя назвать физическими, химическими методиками по установлению конкретного источника происхождения, разработанные основоположником этого вида идентификации В. С. Митричевым, так же как нельзя назвать физическими и пр. его теоретические работы по системно-структурному понятию объектов криминалистической идентификации, обоснованию задач этого вида идентификации и т. д. [71, 72].

Особо следует остановиться на задачах. Данный вид идентификации прежде всего и относят к криминалистической именно потому, что его задачей, как и любого другого вида кримина-

листической идентификации (это совершенно правильно подчеркивает Н. А. Селиванов [110]), является установление индивидуально-конкретных, т. е. единичных объектов. Именно ее конкретизация и четкая постановка как задачи установления единичных объектов, целенаправленность в соответствии с ней теоретических разработок привели к тому, что в последние годы удалось создать экспертные методики по установлению конкретных производственных, сырьевых источников происхождения, мест произрастания объектов, локальных участков местности (помещений), факта контактного взаимодействия и т. д. Даже самые ярые противники правомерности существования данного вида идентификации не будут, очевидно, отрицать, что во всех этих случаях устанавливаются конкретные единичные объекты. По нашему мнению, только такое понимание задачи данного вида идентификации может способствовать и в дальнейшем развитию методик в этом направлении и является необходимым условием такого развития. В криминалистической идентификации не может быть иных задач, кроме установления единичного объекта. Предлагаемые классификации задач индивидуальной идентификации [90] представляют собой не что иное, как классификацию видов идентификации, даваемых по разным основаниям: по способу доказывания тождества (целое по частям, идентификация по отображениям, следам) и по видам идентифицируемых объектов (источник происхождения, единая масса, объем и т. д.).

Нельзя согласиться с мнением, что термин «криминалистические» в названии этого вида идентификации (экспертизы) ничего не прибавляет, а только дезориентирует практику [15]. Анализ практики показывает, что такое название стало правильно ориентировать следователей в постановке конкретных вопросов, а не ограничивать их вопросами о природе, сходстве, однородности, как это было до недавнего времени. Именно такое название этого вида идентификации, как и его результаты, дали возможность, наконец, понять практическим работникам, что только установление на основе структуры и состава конкретных единичных объектов или максимально узких групп позволяет не формально, а фактически использовать эти результаты при доказывании конкретных обстоятельств уголовного дела. Оно стало ориентировать практических работников и в конкретном определении объектов, вычленении их из общей обстановки события преступления, поскольку объекты этого вида идентификации так же конкретны, как и объекты традиционной криминалистической идентификации. Это не «вещества вообще», которые исследуются с целью установления их субстрата [28, с. 132] (такая трактовка задачи не только дезориентирует практику, но и тормозит развитие этого вида идентификации), а или те же объекты с устойчивым внешним строением, идентификация которых традиционными методами оказалась невоз-

можной, или конкретные локальные участки местности, или объемы (массы), конкретность, единичность которых задается конкретным событием преступления.

Совершенно очевидно, что нельзя на современном уровне развития науки и применения системного подхода разрывать единую, взаимосвязанную информацию о внешней и внутренней структуре объекта на два разных вида исследования.

Нет никаких оснований для утверждения о том, что термин «криминалистическая» применительно к экспертизе материалов и веществ стал насильственно внедряться в практику, распространяться в учреждениях судебной экспертизы органов юстиции в волевом административном порядке. О каком насильственном внедрении может идти речь, если еще в 1959 г. В. К. Лисиченко этот вид исследований отнес к криминалистическим [66]? И именно у В. К. Лисиченко имелись к тому все основания, поскольку киевский институт был длительное время ведущим в нашей стране в разработке физических методов исследования.

Опрос физиков и химиков экспертных учреждений показал, что большинство из них считает такое название наиболее соответствующим задачам и подходу этого вида экспертизы. Нет оснований рассматривать это явление не только как насильственное внедрение, но даже и как только отечественное. Например, в некоторых институтах криминалистики социалистических стран соответствующие отделы называются отделами криминалистической химии и криминалистической биологии; в течение последних лет за рубежом выходят работы со следующими названиями: *Chemical criminalistiks* (где в качестве самостоятельных разделов выделены исследования стекла, автопокрытий, почвы и др. [137]), «Сравнительный анализ почв в криминалистической технике» [138], «Проблемы криминалистической химии» [132]; во всех статьях, связанных с идентификацией объектов на основе структуры и состава, в журнале *J. Forens. Sci.* главным ключевым словом выделено слово «криминалистика» [128, 129, 135 и др.].

То обстоятельство, что формирование теоретических основ и методик идентификации единичных объектов на основе состава и структуры имело место в рамках криминалистической идентификации, а внедрение этих методик в практику — в учреждениях криминалистической экспертизы, есть результат не насильственного внедрения, а объективных предпосылок. Можно назвать несколько таких предпосылок. Теоретические разработки нового подхода к идентификации объектов на основе структуры и состава были подготовлены всем развитием общей теории криминалистической идентификации и особенно в последние годы развитием ряда новых учений, которые вплотную подвели к формированию нового подхода в понимании объекта криминалистической идентификации, его структуры, признаков

и др. В их числе следует назвать учение об идентификационных связях, развитое А. А. Эйсманом и М. Я. Сегаем, явившееся непосредственной основой формирования системного подхода в криминалистической идентификации; учение о методах и этапах доказывания на основе идентификации, детально разработанное В. Я. Колдиным; теоретическую разработку структуры объекта криминалистической идентификации и этапных методик его исследования В. С. Митричевым и др.

Такое развитие теории криминалистической идентификации, в свою очередь, обусловлено более тесной связью криминалистики (чем, например, судебной медицины, судебной химии и т. д.) с уголовным процессом и прежде всего с таким ее разделом, как теория доказательств, что, естественно, предопределяет более ясное и четкое понимание криминалистами задач доказывания и средств решения этих задач.

Существенной предпосылкой практического решения этой проблемы в рамках криминалистических учреждений явилось оснащение в последние годы их лабораторий и отделов сложнейшим современным оборудованием разного профиля, привлечение в штат широкого круга специалистов разных отраслей знаний. Это сделало реальным комплексное исследование данных объектов — обязательное и необходимое условие выделения единичного на основе структуры и состава.

Именно эти предпосылки явились, по нашему мнению, определяющими в формировании данного вида исследований в рамках криминалистики, а не судебной химии, судебной физики (которая, кстати, никогда не существовала как предметная судебная наука). Свидетельством того, насколько неактуален на современном этапе вопрос о выделении в качестве самостоятельных таких предметных наук, как судебная химия и судебная физика, является все более частое обсуждение на страницах естественных и философских работ мнения ряда ученых о слиянии самих базовых наук — химии и физики [63]. Судебная химия не справилась с ролью проводника естественно-научных методов в уголовный процесс, поскольку не смогла разработать специфические методики, которые бы эффективно решали задачи процессуального доказывания на основе естественно-научных методов. То обстоятельство, что судебная химия была поглощена науками, которые оказались действительно способными обеспечить такую связь, — криминалистикой и судебной медициной — можно объяснить проявлением тенденции современной науки к интеграции.

В. С. Готт и др., рассматривая вопросы интегративных тенденций на современном этапе развития науки, отмечают, что возникает немало трудностей психологического порядка, связанных с непривычностью, нетрадиционностью «стыковых» направлений и научных специализаций [36]. Только этими психологическими моментами можно объяснить продолжение на страни-

цах криминалистической литературы дискуссий по вопросам, которые уже стали фактом истории. Как показывают многочисленные примеры интеграции научного знания, новые направления и отрасли выделяются далеко не всегда в соответствии с традиционными представлениями.

Отсутствие однозначного решения данного вопроса в криминалистике, очевидно, дает повод, например, для утверждения, что уголовный процесс и криминалистика, являясь прикладными науками, вносят незначительный вклад в отраслевую судебную науку — судебное материаловедение. Действительно, если считать, что задачей судебного материаловедения является изучение свойств материалов, то тогда, конечно, не требуется вклада данных «прикладных» наук. Но если исходить из того, что в судебном доказывании изучение свойств материалов, в том числе и измененных, не будет иметь значения, если это изучение не направлено на выявление единичных характеристик конкретного материального образования (а не материала), то, по-видимому, эти «прикладные» науки будут иметь основополагающее, т. е. методологическое значение, поскольку именно они определяют и понятие объекта, и задачи изучения такого объекта.

Приписывается криминалистике и другая роль — науки, смежной с отраслевой наукой — судебным материаловедением [88, с. 63]. При этом подчеркивается, что теория криминалистической идентификации не может учесть специфики объектов различной природы. Очевидно, в задачу теории не входит учет специфики объектов разной природы, на это направлены конкретные методики, разрабатываемые на основе теории. Задачей же последней является разработка общих положений и понятий, в том числе и понятия объекта, а такое понятие разрабатывается не на основе специфики объектов разной природы, а на основе задач судебного доказывания. Поскольку судебное доказывание требует доказывания единичных фактов, то, следовательно, и в дисциплине, обслуживающей доказывание, главной и основной задачей является не определение класса объектов, как это утверждается [88], а максимальное содействие решению задачи судебного доказывания — установлению конкретных объектов.

Такой целенаправленностью характеризуются криминалистические методы и приемы. Что же касается материаловедения, то его задачей (это вытекает из самого названия данной научной области) является изучение свойств именно материалов, а не материальных образований. Различен и подход в изучении свойств. Материаловедению вообще не присущи идентификационные методики, здесь чаще стоят задачи прогнозирования тех или иных свойств материалов, например конструктивных, технологических и т. д. Действительно, в материаловедении имеют значение данные «о химических и физических свойствах ве-

ществ и материалов, обуславливающие их технологические свойства» [88, с. 63], но в криминалистическом (судебном) исследовании прежде всего имеют значение свойства, не предусмотренные технологией. Свойства субстанции (материала) объектов здесь изучаются лишь постольку, поскольку они могут отражать специфику существования материального образования в конкретной внешней среде.

Все это говорит о том, что в общей структуре криминалистического идентификационного исследования объектов на основе их структуры и состава материаловедческие исследования являются начальным этапом.

Применение криминалистического методологического подхода к идентификации объектов на основе их состава и структуры позволило приблизить результаты этих исследований к решению задач процессуального доказывания. Это особенно заметно при сравнении методик исследований аналогичных объектов в криминалистических учреждениях и в судебно-медицинских. Если взять для примера волокнистые объекты, то в судебно-медицинской экспертизе была разработана методика, получившая название экспертизы наложений, которая практически не продвинула ни на шаг проблему установления единичных объектов, поскольку по-прежнему ограничивалась определением природы волокон. В то же время в криминалистических экспертных учреждениях разработаны методика установления факта контактного взаимодействия, методики установления деструктивных изменений волокон [44, 111] и др., позволившие доказывать конкретные единичные факты.

III. В соответствии с делением видов идентификации в зависимости от полученных результатов мы выделяем индивидуальную и групповую идентификацию. Н. А. Селиванов основанием этого деления называет природу установленного тождества. Однако различаться по природе — значит различаться по происхождению, по самой сущности. Такое основание деления может создать представление о разной логической сущности индивидуального и группового тождества, что как раз и имеет место. Вопрос о природе групповой идентификации является в настоящее время наиболее спорным в теории криминалистической идентификации.

Ряд авторов установление тождества группы считают результатом не идентификационного исследования, а других познавательных процессов: по мнению одних, — это классификация [26, 28], по мнению других, — группофикация [101], третьи вообще не называют природы этого неидентификационного, по их мнению, исследования [15, 71]. При этом результат исследований они именуют групповой принадлежностью [15, 28, 26, 51, 101] или родовой (видовой) и групповой принадлежностью [64]. Некоторые авторы считают, что установление тождества группы в одних случаях может быть классификацией, в других — иден-

тификацией [8, 49, 55, 79], употребляя для обозначения последней термины «групповая идентификация» и «родовая групповая принадлежность».

Наконец, установление тождества группы рассматривается как идентификационный познавательный процесс [103, 107, 125]. Между тем еще в 1940 г. С. М. Потапов предельно ясно и четко писал: «От простого тождества предмета с самим собою следует отличать „частное тождество“, при котором вывод сводится к утверждению о принадлежности исследуемого объекта к тому же самому роду, виду, типу, сорту и т. п., к которому принадлежит и ряд других предметов, составляющих определенный класс или группу по своим классификационным признакам» [87, с. 67].

Разногласия в трактовке природы исследования, где устанавливается тождество группы, обусловлены разногласиями по основному вопросу теории криминалистической идентификации — понятию тождества. Те авторы, которые стоят на позициях абстрактного понимания тождества, т. е. тождества объекта только самому себе, оставляют за пределами понятия тождества «усмотрение во многих предметах одной и той же общей черты» [99, с. 198].

Рассмотрим каждое из понятий, предложенных взамен понятия «идентификация». Классификация как логический прием обозначает деление и определение понятий. При этом в ряде работ отмечается, что в логике вопрос о том, следует ли под классификацией понимать и деление и определение понятий, остается еще не решенным [22]. При рассмотрении же гносеологических аспектов классификации процедура, связанная с отнесением объекта к группе, чаще дифференцируется с процедурой, направленной на разделение некоторого множества объектов на группы, т. е. на создание классификаций. Ряд философов операцию по отнесению объектов к группам именуется диагностированием [94] или идентификацией [53].

Этот же дифференцированный подход к данным процедурам воспринят естественными науками, математикой, техникой, где операция по отнесению объектов к тем или иным группам (классам) получила название идентификации. Таким образом, наименование идентификационного процесса по установлению тождества группы классификацией приводит к противоречию между понятием криминалистического тождества и тем же понятием в логике и в конкретных науках. Трактовка тождества в криминалистике в соответствии с общенаучной является не перенесением логического или естественнонаучного понятия, а развитием методов криминалистического познания в соответствии с законами и приемами логического мышления.

Как уже говорилось, криминалистическая идентификация развилась из потребностей практики в применении методов естественных наук при расследовании преступлений, поэтому

она имеет естественнонаучные истоки. Даже при наличии значительной ее специфики не может быть противоречия с основными положениями естественнонаучной идентификации. Возведение стены между естественнонаучной и криминалистической идентификацией неизбежно приведет к прекращению поступательного движения последней.

Следует отметить, что задача так называемой «чистой» классификации [79] в криминалистике — крайне редкое явление. В нетрадиционной идентификации сужение объема даже того класса, который задан заранее (в том числе имеющего и уголовно-правовое значение), в подавляющем большинстве случаев является принципиально важным, о чем свидетельствует большая работа, проводимая криминалистами в последние годы по разработке методик определения конкретных источников происхождения, например некоторых растительных объектов и по созданию информационно-поисковых систем. Как правило, задача не ограничивается определением класса такого исследуемого вещества, но требует доказывания и других фактических обстоятельств расследуемого события преступления, и прежде всего лица, изготовившего или вырастившего этот продукт.

В. Ф. Орлова и А. Р. Шляхов правильно отмечают, что криминалистическая идентификация с гносеологических позиций представляет собой частный случай распознавания образа [80]. Но при такой трактовке она должна включать весь комплекс учений и методов, направленных на решение криминалистической проблемы распознавания образов, в том числе и те, которые решают лишь отдельные стороны этой проблемы, например классификационные. И действительно, методы научного направления, получившего название «распознавание образов», связаны с определением класса объектов [25, 45], но они находят применение в криминалистической идентификации для решения ее частных задач, хотя и не решают главной задачи — выделения единичного объекта. Примером могут служить получившие криминалистическую разработку кибернетические методы распознавания образов в почерковедении, дактилоскопии и т. д.

Нельзя согласиться с мнением, что определение природы, происхождения или назначения криминалистических объектов следует называть классификационными потому, что они ничем не отличаются от обычных физических, химических, биологических исследований и выполняются представителями соответствующих естественных наук без предварительной специализации в области криминалистики (в противоположность тем же исследованиям, но выполняемым как этап процесса установления единичных объектов, где они являются идентификационными) [49]. Уже потому, что эти исследования, как утверждается, ничем не отличаются от естественнонаучных, их нельзя назвать классификационными, так как в естественных науках они назы-

ваются идентификационными. Однако даже если эти исследования касаются только определения природы, назначения и т. п., то они имеют существенные различия с аналогичными в естественных отраслях. В естественнонаучных исследованиях всегда известен класс объектов, природу которых необходимо установить, в криминалистике же это всегда широкий круг, практически не имеющий обозначенных границ. Это создает очень большие трудности в таком обычном для естественных наук процессе, как определение природы, происхождения вещества, и, как показывает практика, исследование не всегда завершается положительными результатами. Поэтому настоятельно требуется разработка специальной криминалистической методики установления природы неизвестного вещества. Свыше 70% опрошенных экспертов высказались за разработку такой методики.

Если считать, что специфической чертой идентификации является сравнение [49] и наличие двух объектов [55, 79, 80], то такие исследования по одному этому признаку уже следует отнести к идентификационным, так как они всегда носят характер сравнительного исследования, при этом выделенные признаки анализируемых объектов сравниваются не только с признаками тех или иных классификационных подразделений, что всегда имеет место и в естественнонаучном исследовании, но и с характеристиками объектов натуральных коллекций, которые в большом количестве в отношении разного рода объектов в настоящее время специально для этих целей созданы в экспертных учреждениях. Исследования, как правило, проводятся не путем изучения непосредственно самих объектов (объектов «в натуре») [55], а частей, следов этих объектов, подвергшихся существенным изменениям в момент события преступления и при извлечении их с предметов-носителей. Поэтому возникает необходимость не только в сравнении их с натурными коллекциями, но и с модельными образцами, полученными при моделировании условий, сходных с теми, в которых протекали процессы изменений этих объектов. Следовательно, и здесь стоит задача анализа вариабельности, устойчивости признаков [55]. В качестве примера можно привести установление природы горючих материалов, извлекаемых из остатков от горения предметов по делам о пожарах. Потребовалось разработать специальную методику определения природы таких объектов. Практика показала, что не только «представители естественных и технических наук без всякой предварительной специализации» [49, с. 42], но даже сотрудники экспертных учреждений, специализирующиеся, например, в установлении фальсификации нефтепродуктов, оказались недостаточно подготовленными для работы по указанной методике с целью определения природы микростатков таких измененных веществ.

Рассмотренное показывает, что криминалистические исследования, направленные на установление природы, происхожде-

ния объектов, так же как и любой другой группы, по своей гносеологической природе и логической сущности являются таким же идентификационным исследованием, как и начальная стадия установления единичного объекта. Единичность объекта задается событием преступления и задачами доказывания (а не экспертизы) по конкретному уголовному делу: относительно одних обстоятельств данный объект выступает как единичный, относительно других — как групповой (в качестве примера может служить установление производственного источника). Гносеологическая же природа исследования этих объектов остается одной и той же. Следует полностью согласиться с Н. А. Селивановым, что недопустимо гносеологическую сущность исследования определять в зависимости от того, с чем такое исследование связано [107].

Что же касается группификации, то такая процедура не выделяется в логике и философии как самостоятельный познавательный процесс. Напротив, подчеркивается, что ее непосредственной задачей является материальное, предметное распределение и объединение группируемых объектов, а не получение знаний о них. Эта задача выступает в опосредствованном виде в том случае, если группировка включается в более широкий круг познавательных процедур [95].

По мнению некоторых авторов, трактовка понятий криминалистической идентификации в соответствии с их значением в логике чревата опасностью неправильной оценки таких понятий, например смешением выводов об индивидуальном и групповом тождестве в деятельности по осуществлению правосудия. Избежать такой опасности можно в том случае, если термин «групповое тождество» заменить на термины «классификация» и «групповая принадлежность» [79]. Спрашивается, о каком смешении может идти речь, если в выводах вообще не должны фигурировать термины «индивидуальное», «групповое тождество», «классификация», «групповая принадлежность» и т. д. Практика показывает, что неправильная оценка выводов имеет место в том случае, когда конкретные определенные понятия заменяются на неопределенные типа «общая родовая (групповая) принадлежность», «общий источник происхождения» и т. д. Напротив, во всех случаях, когда в выводах указываются конкретные группы, содержатся данные об их объеме, такое смешение отсутствует. Практическому работнику безразлично, как в теории криминалистической идентификации (но небезразлично для самой теории) называются те или иные множества: классами, родами, группами и т. д. Любое из этих понятий практическому работнику ни о чем не говорит, если не определен его объем. Важно другое — чтобы эти неоднозначно трактуемые в теории понятия в заключениях экспертов не подменяли собой данные о конкретных единичных объектах и их объемах. Только такие выводы могут быть использованы в деятельности по осуществ-

влению правосудия для доказывания фактических обстоятельств расследуемого события.

Ряд авторов видит решение проблемы конкретизации результатов идентификации нетрадиционных объектов в расчленении единого идентификационного процесса на все большее и большее количество отдельных видов и этапов. Так, предложено установление принадлежности объектов к одной группе разделить на такие виды: аналитический и идентификационный [113]; установление родовой принадлежности и установление групповой принадлежности, при этом подчеркивается, что понятие «родовая принадлежность» следует понимать как более широкое, чем групповая, поскольку в первом случае используются естественнонаучные классификации, во втором — криминалистические [71]. Но если выводы формулируются в виде указания на конкретные группы естественнонаучных и криминалистических классификаций и на основе специальных знаний определяется их объем, то, следовательно, и без указания на родовую и групповую принадлежность практическому работнику понятно, какое значение они имеют при доказывании. Такое указание просто излишне. Но если, как показывает практика, в большинстве случаев формулировки о конкретных группах заменяются формулировками о так называемой «общей родовой» и «общей групповой принадлежности», то одного лишь знания, что «общая родовая принадлежность» более широкое понятие, чем «общая групповая», недостаточно для доказывания фактических обстоятельств уголовного дела. Как отмечается в литературе [112] и показывает практика, введение этих понятий не изменило положения дел: по-прежнему имеет место неправильное использование результатов таких экспертиз в процессе доказывания. Это и естественно. Введение в экспертизу понятий с неопределенным объемом не может привести к правильной оценке выводов эксперта и к правильному оперированию ими при доказывании. Так будет продолжаться до тех пор, пока выводы об общей родовой (групповой) принадлежности, создающие лишь видимость конкретности, не будут заменены на действительно конкретные выводы, содержащие данные об определенных группах. Никакое дробление, расчленение единого идентификационного процесса не способно решить эту проблему, оно приводит лишь к усложнению понятийного аппарата. Теория криминалистической идентификации в этой части характеризуется противоречивостью, понятийной и терминологической многоплановостью, разобщенностью на отдельные подтеории и учения. Это не способствует чистоте и строгости ее понятийного аппарата, делает труднодоступным восприятие отдельных положений теории и метода для широкого круга криминалистов. Одним из обязательных свойств любого научного метода познания является его ясность и понятность. Именно этому требованию не

удовлетворяет данное состояние криминалистической идентификации как метода познания.

Предложено формирование нового криминалистического учения — диагностики. И вместе с тем отмечается, что диагностическая экспертиза «фактически по целям, содержанию, методике полностью совпадает» с аналитическим видом установления родовой (групповой) принадлежности [113, с. 54]. Но в таком случае оправдано ли вообще выделение этого учения в качестве самостоятельного? В числе задач данного вида исследования называются: отнесение изучаемого явления к определенному классу явлений [80], установление природы и состояния объектов [96], установление соответствия объекта определенным характеристикам [55] и т. д. Эти задачи являются, как правило, подзадачами идентификационных исследований. Ю. Г. Корухов совершенно правильно отмечает их взаимосвязь и взаимопроизношение и считает несостоятельным деление экспертиз на идентификационные, классификационные и диагностические [55].

Представляется, что в ряде случаев смешиваются задача исследования и значение установленных экспертизой фактов в доказывании. Например, идентификация не может быть подзадачей диагностического исследования, но может иметь диагностическое значение при расследовании. По-видимому, нет основания и для выделения так называемой ситуологической экспертизы, которая представляет собой не особый вид исследования, а подход в исследовании, применяемый в ряде экспертиз: в трасологической, автотехнической, КЭМВИ и др. Этот подход заключается в том, что в качестве объектов экспертизы выступают не только вещественные доказательства, но и обстоятельства уголовного дела. Только на уровне изучения внешнего строения объектов допустимо дробление задач, методов, подходов. Напротив, в нетрадиционной идентификации стоит задача объединения их в целостную систему, что является необходимым условием успешного исследования ее сложнейших объектов.

Следует также решить вопрос, который уже не раз обсуждался на страницах криминалистической литературы: есть ли необходимость в сохранении разной терминологии для обозначения одного и того же понятия — «установление тождества группы». Наиболее правильной является позиция авторов, рассматривающих групповую идентификацию как этап и вид криминалистической идентификации. Наличие в криминалистике наряду с индивидуальной идентификацией и идентификации, которая устанавливает тождество группы, не противоречит тому положению, что задачей криминалистической идентификации является установление единичных объектов. «Выделение единичного» обозначает конечную задачу, а не особую логическую природу криминалистической идентификации. Думается, необходимо использовать в теории криминалистической идентифика-

ции только понятия «индивидуальная идентификация» и «групповая идентификация», которые соответствуют и логическому пониманию тождества, и достаточно четко подчеркивают специфику криминалистической идентификации по сравнению с естественнонаучной, и, наконец, позволяют более правильно понимать их гносеологическую природу и значение в процессуальном доказывании. Только исключение из обихода понятия «установление групповой принадлежности» может положить конец бесконечным спорам о природе данного вида исследования на страницах криминалистической литературы. Совершенно правы те авторы, которые, употребляя ранее и понятие «групповая идентификация» и понятие «групповая принадлежность» как равнозначные, в последних своих работах используют только понятие «групповая идентификация» [108, 109].*

IV. В зависимости от характера действий, в рамках которых осуществляется идентификация, в настоящее время большинством авторов выделяется процессуальная и непроцессуальная криминалистическая идентификация [15, 103, 107, 108]. Из этого следует, что получение судебного доказательства не является обязательным признаком криминалистической идентификации. Но если лишить криминалистическую идентификацию этого признака, то она тем самым лишается и своего специфического содержания, отличающего ее от естественно-технической идентификации. Криминалистическая идентификация складывалась как средство получения судебных доказательств, о чем свидетельствует целенаправленность всех ее методик на установление единичных объектов. Именно тесная связь криминалистической идентификации с теорией доказательств, подчиненность ее задач доказывания обусловили формирование и ее теории, и ее методик, только эта подчиненность ее задач явилась необходимым условием эффективного решения и задач процессуального доказывания на основе применения современных методов и средств естественных и технических наук в уголовном процессе. В противном случае криминалистическая идентификация, как и криминалистика в целом, не сможет служить связующим звеном между естественными науками и правом. Если получение судебного доказательства не является обязательным признаком криминалистической идентификации, то, следовательно, ее задачи не соответствуют задачам криминалистики в целом.

* Следует также учесть, что зарубежная криминалистика не знает такого понятия, как «групповая принадлежность». В то же время понятие «индивидуальная идентификация» выделяется в большинстве источников. В учебниках криминалистики ЧССР используются понятия «индивидуальная идентификация» и «незавершенная идентификация» [135], в немецком учебнике — «индивидуальная» и «групповая идентификация» [140]. В американской криминалистической литературе для обозначения индивидуальной идентификации используются понятия *individuality*, *individualization* [137], источника происхождения — *identification of origin*, *identification of its origin*, *identification of source origin* [137, 139] и т. д.

Наличие такого обязательного признака криминалистической идентификации, как получение судебного доказательства, вовсе не лишает возможности использования ее методов, приемов, средств в непроцессуальных формах. Но в этом случае речь должна идти лишь о практическом использовании методов криминалистической идентификации в непроцессуальных формах, а не о непроцессуальных формах криминалистической идентификации. Безусловно, нельзя отнести к криминалистической идентификацию, проводимую оперативными работниками в форме оперативного мероприятия, для госарбитража, нотариальных контор и т. д. [103]. Это лишь случаи использования приемов и методов криминалистической идентификации. Споры в криминалистической литературе нередко вызываются тем, что спорящие стороны имеют ввиду разные этапы и уровни идентификации.

В настоящее время большинством авторов [50, 103, 107] в криминалистическую идентификацию включаются следующие этапы: 1) собирание материалов для идентификации, 2) собственно идентификация, т. е. процесс отождествления, 3) использование результатов идентификации при доказывании.

По мнению некоторых авторов [103], субъектами первого этапа следует считать и оперативных работников, поскольку они также занимаются собиранием материалов. Бесспорен тот факт, что большая роль в собирании информации принадлежит оперативным работникам, но исходным материалом для идентификации она становится только после ее процессуального оформления. Если проанализировать все положения, правила и методики криминалистической идентификации, касающиеся получения материалов (отождествляемые, отождествляющие объекты и т. д.), то во всех этих правилах и методиках рассматриваются только процессуальные источники, поскольку лишь они являются гарантами объективности и относимости результатов криминалистической идентификации. Именно получение материалов для криминалистической идентификации не из любых, а только из процессуальных источников является обязательным признаком криминалистической идентификации и необходимым условием решения ее задачи — получения судебного доказательства. Что касается третьего этапа, то его субъектами бесспорно являются только субъекты доказывания.

Наибольшие споры вызывает второй этап криминалистической идентификации. Здесь как раз и возникает вопрос об ее уровнях. Если взять логический аспект, т. е. логическое отождествление, то субъектом такого отождествления может быть любой субъект процессуальной и непроцессуальной деятельности.

Если взять технический и психологический аспекты, то они могут осуществляться на уровне очевидных признаков и обычного узнавания и на основе специально разработанных в

криминалистической идентификации приемов, методов, методик. Но ведь совершенно очевидно, что криминалистическая идентификация рассчитана не на констатацию бесспорного и очевидного тождества. В качестве криминалистической идентификации, например, называются следующие акты отождествления: удостоверение в личности обвиняемого, свидетеля и т. д.; затребование письменных доказательств; установление тождества индивидуально-определенного объекта на основе отпечатка индивидуального номера [51] (и это при утверждении автора, что криминалистическая идентификация — научный способ получения доказательств). Если рассматривать в качестве криминалистической идентификации подобные акты «отождествления», то утрачивают всякий смысл и специально разработанные криминалистической идентификационные методики и теория криминалистической идентификации в целом.

По нашему мнению, обязательными признаками криминалистической идентификации, наполняющими специфическим содержанием и теорию и методы, являются ее процессуальный характер и применение специально разработанных приемов и методик. Практика показывает, что во всех тех случаях, когда на основе криминалистических идентификационных методик (независимо от того, кто был субъектом и в какой форме это применение имело место) действительно выявляются факты, которые способствуют установлению истины по делу [107], то они обязательно в последующем получают процессуальную форму. Если, например, в результате отождествления отпечатков пальцев сотрудник регистрационных учетов находит дактилокарту конкретного лица и этот факт имеет значение для установления истины по делу, то проводится дактилоскопическая экспертиза. Аналогично данные, полученные в процессе следственного действия, также всегда имеют процессуальное оформление: определение трупных явлений, типов папиллярных узоров и т. п. включаются в протокол осмотра; вычисленный размер обуви, определенный по следам вид транспорта обязательно будут фигурировать в заключениях экспертов.

Из всех процессуальных форм криминалистической идентификации на современном научном уровне разработаны только методы экспертной идентификации. Нельзя согласиться с мнением, что теория криминалистической идентификации в настоящее время характеризуется углубленным исследованием процессов идентификации по мысленным образам [15]. Методика, по которой сейчас проводится опознание (некоторый набор тактических правил), применяется с 1935 г. без каких-либо изменений. В том виде, в каком она сейчас применяется, она уже излагалась в учебнике 1935 г. [58]. Например, все еще имеющее место в литературе утверждение, что субъектом опознания является следователь, «опознающие же являются всего лишь источниками информации» [51], никак не свидетельствует об

углубленном исследовании сложных психологических проблем процесса опознания. Криминалистами пока еще не использованы современные достижения науки для разработки объективных методов оценки результатов опознания. Не разработана методика опознания на основе симультанного узнавания, хотя на практике чаще опознание проходит именно в этой форме.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ОБЪЕКТОВ НА ОСНОВЕ СТРУКТУРЫ И СОСТАВА**

**§ 1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ
НА ОСНОВЕ СТРУКТУРЫ И СОСТАВА**

В настоящее время в криминалистике сформировались два подхода в теории и практике идентификации объектов на основе их состава и структуры. Один из них, традиционный для криминалистической идентификации, получивший название объемной идентификации,* представляет собой процесс максимального сужения классификационных групп вплоть до выделения единичного объекта. Этот подход является традиционным и для естественных наук, с той лишь разницей, что в соответствии с задачами той или иной науки идентификационный процесс может заканчиваться на более ранних его этапах, чем в криминалистике.

Второй подход, являясь нетрадиционным, основывается на представлении объектов криминалистической идентификации как некоторого целого, а обнаруживаемых на месте происшествия микроследов — как частей этого целого. Такое представление объектов криминалистической идентификации согласуется с современным общенаучным подходом, получившим название системного подхода. Применение отдельных положений и принципов системного подхода позволяет решить ряд проблем криминалистической идентификации и поэтому представляется нам перспективным, отвечающим современному уровню науки. В частности, этот подход был использован для обоснования принципиальной возможности установления единичности объектов, не имеющих собственных устойчивых границ [50, 71].

С позиций системного подхода объекты исследования понимаются как некоторое целое или система. Например, А. И. Уе-

* А. А. Эйсман совершенно правильно обращает внимание на условность деления идентификации на объемную и субстанциональную. Это тем более справедливо в отношении идентификации объектов на основе структуры и состава.

мов пишет, что свойство быть системой может принадлежать любым вещам, вплоть до самых простых [82]. Совершенно правильно подчеркивает и Р. С. Белкин, что любой объект криминалистической идентификации может быть представлен как целое [15].

Данные понятия используются рядом авторов в криминалистической [28, 50, 86] и философской литературе [см. 9, 82, 100 и др.] как тождественные. Представляется, что различение этих понятий отвечает большей понятийной строгости и имеет существенное значение для правильного определения объекта криминалистической идентификации на основе системного подхода. При этом понятие целого, а не системы раскрывает гносеологическое, информационное и процессуальное содержание понятия объекта криминалистической идентификации. В обоснование этого положения можно привести несколько аргументов.

Понимание объекта как целого дает возможность представить объект криминалистической идентификации как совокупность ряда систем, каждая из которых, в свою очередь, включает несколько подсистем. В. Н. Южаков совершенно правильно подчеркивает, что категория «целое» отражает объект, включающий не только части, но и системы. Целое является упорядоченным множеством не только частей, структурных уровней, но и систем. Знание же объекта как системы не обеспечивает знания объекта целиком, во всех его отношениях. Понятия целого и системы можно рассматривать как тождественные только в том случае, когда объект обладает лишь одной целостной функцией или свойством или когда познавательные задачи требуют анализа только одной функции или свойства [127].

Смысл применения системного подхода мы видим прежде всего в том, чтобы любой объект криминалистической идентификации рассматривать как совокупность трех систем: системы взаимодействия частей объекта с внешней средой, системы внутреннего взаимодействия частей и системы взаимодействий частей как целого (интегративные свойства целого). Этим нетрадиционный подход существенно отличается от традиционного, где система взаимодействия объекта с внешней средой и система внутреннего взаимодействия рассматриваются как разные, не связанные между собой объекты, при этом третья система взаимодействия вообще выпадает из сферы криминалистического познания. Выделение объектов—внешних структур и объектов—внутренних структур [54] приводит к тому, что вне познания оказывается объект—интегративная структура и поэтому отпадает необходимость в комплексной экспертизе.

Между тем интегративные свойства как результат, как итог всех внешних и внутренних взаимосвязей объекта являются качественно новой информацией о целом, при этом более специфической, так как она связана прежде всего с характером

взаимоотношений частей (элементов) целого в процессе их функционирования, т. е. «жизни» объекта.

Вводя систему взаимодействия частей целого с внешней средой, мы тем самым хотим подчеркнуть, что в криминалистической идентификационной методике должно изучаться взаимодействие с внешней средой не только нерасчлененного целого как части более широкого целого [42] или элемента вещной обстановки события преступления [71], а именно частей этого целого, так как в криминалистической идентификации существенно выяснение специфики взаимодействия с внешней средой не только целого, но и каждой его части. С учетом такого подхода должны разрабатываться и комплексные идентификационные методики.

Поскольку интегративные свойства выражают специфику целого, то они как раз и создают предпосылки для идентификации целого по частям. Понимание же объекта как системы недостаточно раскрывает значение этого подхода для целей идентификации, так как в объекте-системе главное внимание уделяется организации, упорядоченности элементов.

Понятие целого, а не системы находится в большем соответствии с задачами идентификации и потому, что здесь подчеркивается всесторонний, комплексный характер изучения, например, не только системным образом, но и структурным, функциональным, структурно-функциональным.

И, наконец, понятие объекта криминалистической идентификации как целого находится в соответствии с понятийным аппаратом теории доказательств и с задачами процессуального доказывания.

Принципиальное значение для криминалистической идентификации имеет правильное решение вопроса о соотношении целого и части. Предложены две формулы тождества: «тождество предмета» [50] и «тождество в предмете» [108]. Представляется, что идентификация целого по частям на основе состава и структуры объектов не укладывается ни в одну из них, а представляет их сложный синтез. Действительно, в частях объектов отражаются интегративные свойства целого, и в этом смысле можно было бы говорить, что часть является отражением целого. Но отношение часть — целое имеет более сложный характер, так как нет полярного разделения на отражаемое и отражающее. Данное положение подтверждается прежде всего анализом причинно-следственных отношений части и целого. Это отношение носит двухсторонний характер. Целое, преобразуя части, является их причиной, но вместе с тем оно и следствие, поскольку есть результат взаимодействия частей. В. Г. Афанасьев отмечает, что целое является определенным детерминантом своих частей, но детерминация целого по отношению к частям есть не что иное, как детерминация тех же частей, особым образом синтезированных в целом. «Здесь налицо, — пишет он, — взаимодействие ча-

стей, в процессе которого причина и следствие постоянно меняются местами, сама же причина через серию прямых и опосредственных связей испытывает обратное влияние своего собственного следствия» [9, с. 71].

Степень отражения целого в частях различна и зависит не только от условий отражательного процесса, как это имеет место при внешнем направленном отражении, но и от ряда других причин, специфичных именно для отношения целое — часть. Главной из них является степень взаимосвязи частей целого: чем глубже, органичнее такая связь, тем полнее целое отражается в частях, а последние «представляют» в себе целое. В. Я. Колдин совершенно правильно пишет, что часть подчиняется тем же закономерностям, что и целое [50]. Но вместе с тем очевидно и другое. Объем и характер отраженных интегративных свойств целого неодинаков в разных частях и зависит от роли и положения части в целом, от природы самих интегративных свойств (вещественные, энергетические, функциональные, структурные и др.), их происхождения (необходимые, случайные, внешние, внутренние и т. д.).

Все это приводит к тому, что целое всегда состоит из частей, отличающихся друг от друга. К. Маркс указывал, что части целого суть «различия внутри единства» [2, с. 725].

Истинность этого положения, как никому другому, хорошо известна криминалистам и подтверждается многочисленными данными из области естественных наук, судебной медицины и криминалистики. Например, известно, что разные слои жидкости могут иметь разный состав, могут различаться по составу приповерхностные и объемные свойства твердых образцов органических веществ, хорошо известно явление ликвации в сплавах, неодинаковое распределение элементов в разных частях некоторых металлических изделий и т. д. В ряде случаев части имеют настолько существенные различия, что идентификация оказывается невозможной.

Все это показывает, что проблемы, которые возникают при идентификации целого по частям, отличаются от проблем традиционной идентификации по отображениям. Эти специфические особенности данного вида идентификации вытекают из особого отношения целого и части. Сведение же этого отношения к отношению отражаемое — отражающее может привести к игнорированию специфики как самого процесса идентификации, так и оценки полученных результатов.

Представление идентификации целого по частям в отношении нетрадиционных объектов как взаимоотражения частей (тождества в предмете) также не вмещает всей сложности отношения частей в целом. Части в целом не только взаимоотражают друг друга, но одновременно являются носителями отраженной информации об интегративных свойствах целого и источниками своей собственной информации, в чем убеждает на-

личие в частях целого локальных (региональных) свойств. Даже если взять для примера такое органичное целое, как человеческий организм, то каждая его часть одновременно и представляет целое, и несет свои собственные свойства. При этом правильная оценка степени интегративности и локальности тех или иных признаков может быть сделана только на основе анализа и сопоставления всей информации, заключенной в части и целом. Поэтому нельзя согласиться с мнением, что при разделении целого идентифицируются части, а не целое [79]. Только при механическом разделении целого и сохранении общей линии разделения идентификационный процесс может быть ограничен лишь анализом взаимоотраженных признаков линии разделения. При отсутствии же общей линии разделения даже в отношении объектов, имеющих собственную устойчивую внешнюю форму, принадлежность частей одному и тому же целому устанавливается, как правило, путем исследования интегративных свойств целого. Например, если два куска ткани, один с места происшествия, другой, изъятый у подозреваемого, не имеют общей линии разделения, то на основе интегративных свойств может быть установлена их принадлежность к одному и тому же целому, но не взаимная принадлежность. Поэтому с гносеологической точки зрения здесь имеет место идентификация именно целого, а не частей, как это утверждается [79]. Если взять доказательственный аспект, то ситуация аналогичная. Совершенно очевидно, что в событии преступления участвуют объекты, т. е. целостные материальные образования, а не их части (ножи, а не куски полотна клинка, автомашина, а не кусочки лакокрасочного покрытия и т. д.). Следовательно, доказыванию подлежит относимость именно объектов, т. е. целого, а не частей. При разделении же в процессе события преступления целого на части и последующей идентификации свойство относимости обнаруживается, а не приобретает [79]. Автомашина приобрела свойство относимости в результате того, что участвовала в событии преступления, а отделившиеся при этом частицы лакокрасочного покрытия послужат лишь средством обнаружения этой относимости. Если путем исследования кусочков покрытия окажется невозможным доказывание относимости, то это будет сделано с помощью других процессуальных средств. Следовательно, целое, а не части, обладает свойством относимости.

Как было рассмотрено, объем информации о целом в каждой из его частей зависит от характера и степени их связей, от места и роли этой части в целом и т. д. Поэтому для криминалистической идентификации существенна классификация отношений частей целого по их роли относительно друг друга и в целом, а также по типу связей. В зависимости от первого основания выделяют определяющие и определяемые части. Определяющей можно считать такую часть, которая содержит

наибольший объем информации как о целом, так и о пограничных частях или выполняет основную функциональную роль целого. Например, определяющим можно назвать осколок, который имеет общие линии разделения с большим числом осколков разбитого фарного рассеивателя. К определяющей может быть отнесена и костная ткань при восстановлении мягких тканей.

По типу связей, так же как и в традиционных объемных классификациях, следует выделить части с существенными, несущественными, необходимыми, случайными, внешними, внутренними связями. Специфически интегративными являются сопряженные, корреляционные, связи координации, соподчинения, субординации и т. д. Каждый целостный объект характеризует та или иная совокупность специфических для него связей. Совокупность связей и их характер позволяют определить структуру целостного объекта. Любой объект как целое характеризуется внешней и внутренней структурами. Объекты криминалистической идентификации, определяемые как целое на основе обстоятельств события преступления, должны характеризоваться прежде всего субординационной структурой, иметь иерархическое (вертикальное) построение. Только такая структура этих объектов может привести к выделению единичного. Одноуровневые структуры [50, с. 77] не раскрывают специфику решения этой задачи. В. С. Митричев развил особый подход в понимании структуры объектов криминалистической идентификации, связав это понятие с задачами процессуального доказывания по уголовным делам. Рассматривая материальные образования как элементы вещной обстановки события преступления, при построении их структуры он исходит из фактических обстоятельств уголовного дела [71, 72]. Такой подход в понимании целостного объекта и его структуры значительно увеличил возможности криминалистической идентификации в решении ее специфической задачи — выделения единичного.

Ценную идентификационную информацию может содержать структура объектов, имеющих собственную внешнюю форму. Структура таких объектов характеризуется, как правило, большой устойчивостью, стабильностью. Особую актуальность для криминалистов представляет изучение интегративных структур.

При системном представлении объектов криминалистической идентификации должно быть правильно определено соотношение понятия целого с традиционными понятиями отдельного и единичного. Представляется, что отождествление понятий целого и отдельного [71] не согласуется с их трактовкой как философских категорий, с их гносеологическим значением. Если познание объекта как отдельного направлено на установление его выделенности, отделенности от других отдельных, т. е. предмета самого по себе, то познание объекта как целого направле-

но на установление как раз связей этого объекта. В первом случае актуально установление меры определенности объекта, т. е. его границ на основе тех или иных характеристик, во втором случае — определение характера связей этого объекта. Мера же целостности, как отмечает А. И. Уемов, неопределенна [82]. Поэтому данные категории выражают разные стороны [82], разные способы [10] познания объекта. Следовательно, при решении задачи идентификации целого по частям криминалистических объектов на основе структуры и состава не снимается проблема их выделения как отдельных образований в материальной обстановке события преступления. Такая идентификация не может быть решена без предварительного выделения объектов в обстановке события преступления.

То же самое следует сказать и о соотношении понятий целого и единичного. Доказывание целостности есть доказывание взаимообусловленности частей как целого, их существования в соотнесении друг с другом, но тем самым не доказывается единичность целого. Это дает основание философам использовать понятие целого и для обозначения вида [41, 47], и для обозначения класса объектов [10]. «Система может достичь высокой степени сложности и интегрированности и в то же время практически не отличается от других систем того же рода» [47, с. 143]. Следовательно, целое только тогда единично, когда содержит специфические интегративные свойства, присущие лишь этому целому. Доказывание единичности целого может быть осуществлено только при вычленении единичных интегративных свойств и отношений.

Системный подход не сводится к построению модели исследуемого объекта как некоторого целого или некоторой системы. Такое построение указывает лишь на некоторый способ понимания предмета исследования и предполагает применение методов системного исследования.

В системных исследованиях выделяют две взаимосвязанные области: специальные системные исследования и методологию исследования и анализа систем. Задачей первой области является создание моделей конкретных систем на основе данных специальных наук и средств системных исследований, задачей второй — разработка методологических принципов, с помощью которых могут строиться и исследоваться такие модели. Эта последняя область получила название системного подхода. В работах, посвященных методологическим проблемам системных исследований, системный подход чаще характеризуют как общенаучное нефилософское междисциплинарное знание [87 и др.]. Что касается области специальных системных исследований, то в настоящее время в технике сформировался ряд новых направлений, два из которых решают задачи, сходные с задачами, возникающими в идентификации.

Одно из этих направлений получило название именно идентификации. Его метод позволяет устанавливать корреляцию между большим числом изменяющихся факторов внешних условий и изменениями самого исследуемого объекта (установление закона преобразования входных переменных в выходные переменные). Основными этапами метода являются: 1) построение на данных эксперимента математической модели (или создание алгоритма при автоматическом получении модели) в конкретных условиях функционирования, существования исследуемого объекта (явления, процесса) при наличии неполной, неопределенной информации о нем; 2) количественная оценка степени идентичности построенной модели объекту-оригиналу [39, 93].

В этой области уже накоплен большой теоретический материал, который дает основание говорить ее представителям о создании теории идентификации систем и процессов.* Данный метод возник в связи с задачами управления сложными статическими и динамическими системами, но сейчас основные его положения и принципы используются не только в технике, но и в биологии, медицине, при идентификации химических и физических процессов [131].

Представляется, что в криминалистике принципы данного метода могут найти применение при исследовании сложных процессов изменения тех или иных объектов под воздействием большого числа переменных факторов (состояния канала ствола оружия при выстреле, процессов старения и т. д.).

Второе направление, основанное на системном подходе, получило название диакоптики — исследования сложных объектов по частям [61]. Оно заключается в том, что изучение сложных объектов производится путем исследования более простых объектов, по свойствам которых можно восстановить свойства исходного объекта. Применительно к техническим задачам метод сводится к тому, что исходная сложная система по определенным правилам (мысленно) расчленяется на некоторое число малых подсистем, каждая из которых анализируется и рассчитывается отдельно и на основе этого строятся топологические модели-графы исходной системы. Отмечается, что этот метод может быть эффективным для исследования сложных объектов самой различной физической природы, а также биологических объектов.

* Примечательно, что специалисты, занимающиеся разработкой этого направления, считают, что это и есть единственно идентификация, а методы и средства идентификации зародились именно в этой области, аналогично тому как в криминалистике ряд авторов считает, что установление единичного — это и есть единственно идентификация, а методами и средствами криминалистической идентификации пользуются многие другие отрасли. Например, автор работы «Что такое идентификация?» ставит своей целью дать возможность понять задачи и методы идентификации широкому кругу исследователей.

Данный метод безусловно предназначен для решения задач, не сопоставимых по своей глобальности и сложности с криминалистическим, но принципиально то, что в методе диакоптики исследуется отношение часть — целое и, следовательно, отдельные подходы и приемы этого метода могут найти применение и в криминалистической идентификации целого по частям. Физическое, а не мысленное расчленение криминалистического целого не накладывает ограничений в применении отдельных его приемов к криминалистическим объектам.

Здесь еще раз следует указать на неправильность позиции тех криминалистов, которые рассматривают идентификацию как особый, специфически присущий только криминалистике метод. Это может послужить тормозом в использовании криминалистической идентификацией современных достижений естественно-технических отраслей. Напротив, понимание криминалистической идентификации как метода, имеющего не только различия, но и общие «точки соприкосновения» с другими видами и разновидностями методов и приемов самых различных естественно-технических отраслей, может обогатить криминалистическую идентификацию новыми современными подходами в решении идентификационных проблем.

В криминалистической идентификации применение системного подхода остановилось на формировании системного представления объектов, сам же идентификационный процесс остался традиционным, т. е., основанным на использовании объемных классификаций объектов и их признаков (за исключением участков местности и «контактного взаимодействия»). Объяснение этому положению дается тоже традиционное: «Относительная немногочисленность экспертиз отождествления целого по частям вовсе не характеризует современный уровень развития криминалистического исследования материалов и веществ... следовательно, работа которого иногда строится на устаревших представлениях о задачах и возможностях данного вида экспертизы, создает условия, делающие неэффективной всю последующую работу эксперта» [71, с. 88].

Думается, что проблема здесь более сложная. Идентификация целого по частям на основе структуры и состава не может быть сведена к анализу обстоятельств события преступления и ведущей в ней роли следователя. Обязанности следователя не могут быть расширены дальше выяснения обстоятельств существования объектов в условиях события преступления. Даже в отношении объектов, не имеющих собственных устойчивых границ и так называемых материальных комплексов, где действительно выяснение условий образования и существования этих объектов в обстановке события преступления имеет особое значение, следователю не могут быть переданы функции эксперта по выявлению особенностей, возникших в данных объектах в этих условиях.

Что же касается объектов, имеющих устойчивую внешнюю форму (например, части лакокрасочного покрытия, стекол, пластмассы, полиэтилена, волокон и т. д.), а именно такие объекты, как показывает практика, составляют наибольший объем идентификации целого по частям, то здесь основная проблема заключается не в устаревших представлениях следователя или эксперта (что также имеет место в ряде случаев), а в том, что пока еще нет сколько-нибудь систематизированных данных ни в естественно-технических отраслях, ни в криминалистике об интегративных характеристиках этих объектов как результате внешнего и внутреннего взаимодействия их частей (компонентов), тем более отсутствует систематизация характеристик, являющихся единичными. Накопление таких данных составляет актуальную задачу криминалистической идентификации настоящего периода.

На сегодняшний день можно говорить лишь об использовании некоторых интегративных характеристик (главным образом, внешнего воздействия) в традиционной объемной идентификации.

Что дает (и может дать в будущем) криминалистической идентификации системное «видение» ее объектов? С нашей точки зрения, следует отметить несколько моментов.

1. Только понимание объекта как единого целого в его внешнем и внутреннем взаимодействии дает возможность получить в полном объеме его наиболее специфические характеристики. Разделение единого объекта на объект внешнего взаимодействия (традиционная идентификация) и объект внутреннего взаимодействия (идентификация материалов и веществ) не соответствует современному научному подходу, характеризующемуся интеграцией знаний и комплексностью исследований. Без системного понимания объекта не может быть создано и системной комплексной методики.

2. Системный подход позволил криминалистам представить в виде целостных те объекты, которые с позиций традиционной идентификации вызывали затруднение в их представлении как отдельных [50, 71]. Это касается прежде всего объектов, не имеющих собственных устойчивых пространственных границ.

3. Системное понимание позволило сформировать новый специфически системный объект криминалистической идентификации — так называемое «контактное взаимодействие».

4. Представление объекта криминалистической идентификации как части большего целого, т. е. элемента вещной обстановки события преступления, дало возможность со специфически криминалистических позиций подойти к пониманию структуры объектов криминалистической идентификации как обусловленной фактическими обстоятельствами события преступления.

ния, а сами объекты представить в виде системы исходных, промежуточных и конечных (главных) объектов, устанавливаемых в результате многоступенчатого идентификационного процесса [50, 71].

5. Широкое внедрение в последние годы аналитических методов исследования криминалистических объектов требует развития системы оценочных методов идентификации [50].

6. Изучение объекта как целого во взаимодействии его частей и элементов позволяет получить качественно новую, более специфическую информацию.

7. Многие методы системных исследований направлены на установление отношений «быть более сложными». Именно часть и целое характеризуются таким отношением. Следовательно, эти методы по своим задачам близки к задаче криминалистической идентификации целого по частям. Гносеологическая функция системного подхода заключается в переносе знания из одной области науки в другую. В ряде случаев предметные области совершенно разных по своей природе классов объектов могут характеризоваться отношением соответствия. Поэтому задачей криминалистов является самый тщательный анализ тех системных направлений и методов, где решаются проблемы, близкие проблемам идентификации.

§ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ

Как указывалось выше, объекты при идентификации их на основе структуры и состава должны быть определены как отдельные и целостные материальные образования. Это делает необходимым их классификацию по двум основаниям: по способу выделения как отдельного и по способу взаимосвязи частей как целого.

По первому основанию может быть предложена следующая классификация:

1. Объекты, имеющие собственную внешнюю форму и устойчивые пространственные границы. К этой группе относятся объекты традиционной идентификации, в отношении которых по тем или иным причинам оказалась невозможной идентификация на основе внешней структуры.

2. Объекты, отдельность которых определяется их целевым или функциональным назначением. Сюда относятся производственные и сырьевые источники, производственные агрегаты, составные предметы, комплекты.

3. Объекты, отдельность которых задается событием преступления. Это прежде всего участки местности и помещений, являющиеся местами происшествий или преступлений; массы (объемы) веществ, комплексы (комплекты) предметов.

Необходимость классификации объектов идентификации по способу выделения как отдельного обусловлена рядом причин. Во-первых, в зависимости от способа выделения объекта как отдельного должна строиться методика подготовки материалов на экспертизу: определение идентифицируемого объекта, отобрание образцов, сообщение следователем разного объема и характера сведений об условиях существования этого объекта. Во-вторых, оценка происхождения выявленных идентификационных признаков также имеет свою специфику в зависимости от способа определения объекта как отдельного. И, наконец, в-третьих, способ доказывания принадлежности частей целому при разделении объекта на части зависит, опять же, от способа и степени выделенности объекта в обстановке события преступления.

При классификации объектов как целого первостепенное значение имеет основание, указывающее на характер (способ) взаимосвязи и взаимодействия частей целого. По этому признаку выделяют следующие виды объектов как целого: 1. Органическое. 2. Неорганическое. 3. Механическое. 4. Суммативное.

Органическое целое как высший тип целостности характеризуется внутренним функциональным взаимодействием частей и взаимодействием целого с внешней средой. В органичном целом функционирование части вне целого невозможно. Изменение части ведет к изменению других частей и всего целого [42]. К органичному целому относят организм, биологический вид, общество. Органическое целое характеризуется устойчивостью пространственной, функциональной и генетической структур. Любое органичное целое, в том числе и человеческий организм, является открытой системой, поскольку обменивается с окружающей средой веществом, энергией и информацией. Только в отношении открытых систем возможна их идентификация. Взаимодействие частей и проявление интегративных свойств биологических объектов, и прежде всего человека как главного объекта криминалистической идентификации, носит сложный, многосторонний характер. В настоящее время в естественных науках (биологии, антропологии и т. д.) накоплен большой материал по морфологическим, субстратным и другим характеристикам человеческого организма, в том числе и данные об интегративных свойствах [см. 54]. Однако многие из них имеют генетическое происхождение (генемные корреляции) и, следовательно, отражают общие закономерности развития организма. Задачей криминалистов является систематизация накопленного в других областях материала об интегративных характеристиках человеческого организма, построение иерархических классификаций этого материала с учетом статистических данных. Только такая обработка этого материала может показать, насколько эти данные приближают криминалистов к решению задачи выделения единичного.

Неорганическое целое характеризуется внутренним взаимодействием частей, приводящим к взаимному преобразованию их свойств [7, 42]. Из криминалистических объектов к этому типу целого могут быть отнесены монолитные предметы, в отношении которых возникает необходимость их представления как целого при идентификации по разделенным частям при отсутствии общей линии разделения. Различают гомогенное и гетерогенное неорганическое целое. С нашей точки зрения, к этому типу целого следует отнести и производственные источники, где взаимодействие производственных элементов можно также охарактеризовать как преобразование свойств. В работах по системным исследованиям производство характеризуют как техническую динамическую систему: сложившееся единство меняется под действием внешних и внутренних факторов. Данное обстоятельство особенно важно учитывать при криминалистической идентификации производственных источников, при создании натуральных коллекций образцов продукции, а также при введении данной информации в информационно-поисковые системы.

Механическое целое характеризуется внешним взаимодействием частей, которое обеспечивает функционирование целого [7, 9, 42]. К механическому целому можно отнести все составные криминалистические объекты.

Вопрос о так называемом суммативном целом является дискуссионным не только в криминалистической [50, 71], но и в философской литературе [7, 9, 38, 75 и др.]. Специфически криминалистические примеры с кучей мусора, песка, зерна и т. д. не сходят со страниц работ, посвященных системным исследованиям.

Называя суммативное целое неорганизованной совокупностью, неупорядоченным целым, лишенным интегративных свойств как результата внутреннего взаимодействия, вместе с тем ряд философов указывают, что целое может быть детерминировано условиями внешней среды [9, 75]. Этот момент совершенно правильно подчеркивается и в криминалистической литературе [50, 71]. Следовательно, в качестве интегративных свойств может выступать и результат внешнего воздействия. Внешняя детерминация превращает суммативное целое не в простое соположение его элементов, а в организованное целое. Существуют разные формы организованности, порядка. А. Н. Аверьянов пишет: «Раз в такой совокупности существует связь между элементами, значит неизбежно проявление определенных закономерностей» [7].

Внешнее воздействие не может быть сведено только к механическому воздействию — деформации или наслоению тех или иных веществ, оно может иметь характер физического, химического воздействия (сцепления, деструкции, адсорбции, окисления и т. д.). Например, при окислительных процессах как

результате внешнего воздействия неизбежно возникают и внутренние процессы. Поэтому части суммативного целого не остаются как бы безразличными друг к другу. Как правило, они также взаимодействуют между собой механическим, физическим или химическим путем: та же деформация (например, при соударении дробин), взаимный перенос постороннего вещества, имеющегося на поверхности элементов, явления адсорбции и т.д. Любой суммативный объект, испытывающий воздействие внешней среды, всегда обнаруживает и внутренние закономерные связи. Например, указывается, что при идентификации почвенных участков используются суммативные свойства почвы [54]. Однако установлено, что почвенные участки могут характеризоваться устойчивой системой минералов, образованной определенным соотношением их формы, размера, цвета, прозрачности и т. д. [116, 130], что позволяет по одному только этому признаку дифференцировать узколокальные участки местности [130].

Неправомерно противопоставление понятий суммативности и целостности как прямых противоположностей. Понятие суммативности отражает определенную форму взаимодействия вещей, процессов, явлений материального мира, выступая как один из уровней целостности, ступени в переходе к более высокому уровню — органической целостности [75].

Можно выделить несколько наиболее существенных групп интегративных свойств суммативного целого: интегративные свойства, возникающие в результате воздействия внешней среды в процессе образования, хранения, эксплуатации (механические, физические, химические); внутренние процессы, возникающие в элементах (частях) суммативного целого в результате воздействия внешней среды; посторонние примеси и вещества, вносимые в суммативное целое в процессе его образования или хранения; взаимодействие частей целого между собой (механическое, физическое, химическое); определенное компонентное соотношение элементов целого (номеров дроби, фракций песка, минералов и т. д.); определенная композиция, компонентное распределение элементов в массе, представляющая собой пространственный или временной порядок; одинаковый способ изготовления (например, особый способ кустарного изготовления) всех элементов целого.

С точки зрения задач криминалистической идентификации перечисленные интегративные свойства позволяют выделить суммативную совокупность как целое. Та степень организованности, уровень целостности, которые характеризуют суммативное целое, отвечают задачам криминалистической идентификации. Следовательно, с позиций криминалистической идентификации такая совокупность может рассматриваться как целостное образование. Существенно именно то, в каком отношении рассматривать ту или иную совокупность. Например, Г. Клаус

пишет, что если груды, оставшиеся от разрушенного землетрясением дома, рассматривать с точки зрения механики, то окажется, что она представляет сложную систему с обильным множеством отношений между давлением, сцеплением и т. д. [46]. Напротив, если рассматривать любой вид совокупности с точки зрения теории множеств, то в рамках этой теории любая совокупность рассматривается как простое соположение элементарных объектов, вне зависимости от того, каким образом произведено объединение элементарных объектов в совокупности. Однако если криминалисты допускают, что суммативные совокупности — это целостные образования, то недостаточно корректно характеризовать их в качестве агрегатов, агломератов, конгломератов и т. д., поскольку такие виды множеств рассматриваются как лишенные каких-либо связей, как простая соположенность элементов. Точно так же система не может характеризоваться хаотичностью. Коль скоро это система, значит она упорядочена в каком-то отношении, т. е. имеет системообразующий признак и, следовательно, не хаотична.

Современная практика экспертизы накопила уже достаточно большой материал, подтверждающий возможность идентификации суммативных целых. Это касается в первую очередь участков местности. Однако криминалисты не должны игнорировать то обстоятельство, которое отмечается всеми философами, — интегративные свойства суммативного целого чаще носят внешний, случайный характер, отсутствует функциональная структура, а пространственная — дискретна (и вряд ли правомерны поиски каких-то обоснований противоположного мнения). Это создает специфические проблемы и большие трудности при идентификации суммативных целых по сравнению с другими видами целостных образований, но вовсе не означает, что такая идентификация принципиально невозможна. И вопрос состоит в том, чтобы разрабатывать такие методики, которые бы позволяли учитывать эти особенности суммативного целого и выявлять те изменения, которые могли приобрести части разделенного целого в новых условиях существования. В противном случае, не будет обеспечено получение достоверных результатов.

В. С. Митричев совершенно правильно подчеркивает, что объекты криминалистической идентификации в качестве элементов вещной обстановки могут иметь структуру, не совпадающую с пространственной организацией их материальной субстанции. Однако нельзя согласиться с тем, что «в плане доказывания отделение части от целого не означает изменение ядра качества, не приводит к снятию тождества» [71, с. 25]. Пространственное разделение целого (а именно оно чаще всего имеет место в обстановке события преступления) может изменить не только пространственную, но и любую другую структуру как целого, так и отделенных частей. Попадая в условия

существования нового пространства и времени, части целого приобретают новые свойства и качества. Степень изменения зависит как от условий и времени существования в новом пространстве, так и от характера самого объекта.

Полная система криминалистической классификации объектов этого вида идентификации, помимо рассмотренных выше общих классификаций, должна включать еще две классификации как подсистем общих классификаций: 1) конкретных материальных образований как целого, являющихся по своей роли в идентификационном процессе идентифицируемыми объектами; 2) непосредственных объектов идентификационного исследования, выступающих в качестве частей идентифицируемого целого.

В соответствии с современным состоянием разработанности методик идентификации на основе структуры и состава можно выделить следующие виды идентифицируемых объектов: 1) объекты, имеющие устойчивое собственное внешнее строение, идентификация которых на основе внешней структуры оказалась невозможной; 2) локальные участки местности и помещения; 3) производственные источники; 4) сырьевые источники; 5) конкретные массы сыпучих веществ; 6) конкретные объемы жидкостей; 7) материальные комплексы.

Каждый из перечисленных видов идентифицируемых объектов должен в соответствии с разработанными в настоящее время методиками включать классификацию подвидов объектов. Классификация идентифицируемых объектов должна находиться во взаимосвязи с классификацией непосредственных объектов идентификационного исследования — материалов и веществ. Разработанные в криминалистике видовые классификации объектов представляют собой классификации непосредственных объектов исследования — веществ [см., например, 24, 121, 122]. Это же основание используется и при классификации видов экспертиз. Однако классификации по данному основанию не отражают современного подхода в представлении как самих объектов, так и процесса исследования. Большинство из перечисленных выше видов материальных образований, выступающих в роли идентифицируемых объектов, представляют сложную систему компонентов разной природы и происхождения, процесс же их исследования носит комплексный характер. В качестве примера можно привести такой объект, как локальные участки местности. Участок местности представляет собой сложный многокомпонентный объект, включающий минералогические, агрохимические, ботанические вещества, вещества производственного происхождения и т. д. Поэтому наименование такого объекта почвенным, а экспертизы — почвоведческой не раскрывает специфику этого объекта и не отражает современного состояния данной экспертизы.

Аналогичное следует сказать и о других идентифицируе-

мых объектах. Поэтому, с нашей точки зрения, видовая классификация объектов должна строиться по двум основаниям: по идентифицируемым объектам — конкретным материальным образованиям и непосредственным объектам — веществам.

§ 3. ПОНЯТИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

С вопросом о понятии объектов криминалистической идентификации тесно связан вопрос о понятии идентификационного признака. В литературе отмечается, что понятие признака является одним из фундаментальных понятий в криминалистической теории. Особое значение это понятие имеет для теории криминалистической идентификации [15, 107]. Вместе с тем подчеркивается дискуссионность этого вопроса в криминалистической литературе [107].

Наиболее спорным вопросом является вопрос о соотношении понятий «свойство» и «признак». Одни авторы соотносят эти понятия как отображаемое и отображение [49, 103, 123], другие — как сущность и явление [15, 108] и, наконец, третьи рассматривают данные понятия соответственно как онтологическое и гносеологическое [30, 37, 60, 71, 108, 125]. Достаточно сказать, что в одной и той же работе понятие признака используется в трех значениях [108], что, конечно, не свидетельствует о строгости понятийного аппарата криминалистической идентификации.

Отсутствие однозначной трактовки понятия признака в криминалистической литературе обусловлено, по нашему мнению, рядом причин. Одну из них мы видим в механическом перенесении в теорию идентификации тех значений признака, которые используются в других областях. Например, о признаке как сигнале [108] правомерно говорить при рассмотрении этого понятия применительно к аспектам теории информации и управления и нельзя признать оправданным оперирование понятием признака в этом значении в теории идентификации. В идентификации изучаются не признаки-сигналы, а признаки-свойства: механические, физические, химические и т. д. Так, цвет объекта выступает в таком исследовании не признаком, сигнализирующим о свойстве [108], а реальным физическим свойством, которое в современной науке принято называть диспозиционным.

Соглашаясь с мнением о том, что понятие идентификационного признака и функциональное значение общего понятия признака в криминалистике имеют свою специфику [14], вместе с тем мы не считаем правомерным конструирование этих понятий в отрыве от общепhilosophической трактовки. Такое несоот-

ветствие иногда также является источником споров в криминалистической литературе. Не находит, например, философского обоснования определение понятия признака как проявления свойства. Совершенно очевидно, что не свойства проявляются в признаках, а вещь проявляется в свойствах. В. И. Кириллов правильно пишет: «Исторически и логически познание начинается с познания вещей по их свойствам. Находясь в различных отношениях с другими вещами, вещь выявляет свои свойства» [42, с. 58]. Об этом же говорит и В. С. Никитченко: «Свойства вещи, выражающие ее качественную специфику, выступают как ее внешнее проявление» [77, с. 170]. Если допустить, что «в системе свойство — признак свойство играет роль сущности, признак — явления» [77, с. 61], то возникает ситуация, аналогичная той, которая имеет место при определении признака как отражения свойства: признак может неадекватно проявлять свойство, так как в явлении сущность не только выражается, но и маскируется, представляя часто в чуждом, лишенном сущности виде [33]. К. Маркс указывал: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [3 с. 384].

Не находит логико-философского обоснования и трактовка признака как отражения свойства. Лишь о признаке как логическом понятии можно говорить, что он «отражает» или «выражает» свойство. Именно так трактуют признак и сами сторонники его понимания как отражения или выражения (проявления) свойства, когда переходят к рассмотрению непосредственно вопросов классификации признаков [см., например, 15, с. 71—73].

Но при понимании признака как логического понятия вряд ли правомерно говорить об изоморфных и гомоморфных признаках [37]. Отношением подобия (соответствия) принято характеризовать оригинал и отражение неорганического уровня, высшее же отражение, идеальный образ, характеризуется отношением сходства с оригиналом, а не подобия [115].

Нельзя согласиться и с мнением, что к идентификационным признакам относятся и свойства объектов, и отображения свойств [107]. Отображения свойств используются только в том случае, когда практической идентификации предшествовало познавательное изучение свойств и их отображений и выявлены закономерности преобразования в отображениях свойств отображаемых объектов. Прежде чем эксперты стали использовать отображения свойств почерковых, баллистических, трактологических объектов и т. д., был проведен большой объем экспериментальных исследований, позволивший познать именно свойства этих объектов и закономерности их преобразования в отображениях. Без этого невозможно криминалистическая идентификация на основе отображений. В тех случаях, когда познавательное изучение объектов отсутствует, эксперты

В практическую деятельность вынуждены включать научные экспериментальные исследования, которые более обширны по своему объему, чем обычный экспертный эксперимент. Из этого следует, что идентификация проводится во всех случаях на основе изучения свойств.

Думается, нет основания и для включения в понятие идентификационного признака такого критерия, как степень его отображения [60]. Если признак — это свойство, то он существует независимо от того, насколько четко, полно отобразился и отобразился ли вообще в том или ином конкретном акте отражения. «...Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются...» [4, с. 67]. Только при понимании признака как отображения свойства этот критерий может иметь значение. Совершенно очевидно, «полнота», «четкость» отображения часто зависят и от профессиональных данных специалиста, и от примененных методов.

Неоднозначность трактовки в криминалистической литературе рассматриваемых понятий обусловлена и тем, что в логико-философской литературе эти вопросы также еще не получили однозначного решения. Например, при анализе понятий свойства, качества, отношения и др. в одних криминалистических работах за основу берется их трактовка А. И. Уемовым [114], в других — И. Ф. Лукьяновым [67]. Но данные философы с разных позиций подходят к определению этих категорий. Представляется, что позиция И. Ф. Лукьянова является более последовательной. Определение А. И. Уемовым вещи как системы качеств, определение, в свою очередь, качества через свойство и в то же время отождествление свойства с отношением по существу создают логический круг. Неоднозначно трактуется в логико-философской литературе и соотношение понятий свойства и признака. Так, одни авторы понятия признака и свойства употребляют как равнозначные, тождественные, имеющие одну и ту же функцию — узнавания, различения вещей [52], другие как, соответственно, онтологическое и логико-гносеологическое [67, 114], третьи специально выделяют признак как формально-логическое понятие [42].

Анализ данных понятий показывает, что они различаются по объему: понятие признака более широкое. Признаком, например, может быть не только свойство, но и качественная характеристика объекта [67]; отношение; отсутствующее свойство или отношение и т. д. [42]. Свойство, отсутствующее у вещи (не свойственное ей), не является ее свойством, но может служить признаком. Вместе с тем признаком могут быть только такие характеристики объекта, которые выполняют функциональную роль признака (т. е. то, в чем предметы сходны друг с другом или чем они друг от друга отличаются [42]). Очевидно, отношение не всег-

да может выполнить эту роль. К. Маркс писал: «Отношение одной вещи к другой есть отношение этих двух вещей между собой и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них» [5, с. 143].

Из всех понятий идентификационного признака, предложенных в криминалистике, только рассмотрение его как логико-гносеологического понятия не противоречит его логико-философской трактовке. Именно так еще в 1967 г. определил понятие признака А. А. Эйман [125]. Данное понятие в настоящее время является наиболее распространенным как в логико-философской, так и в криминалистической литературе. По-видимому, его следует сделать не только наиболее распространенным, но и единственным.

Важное место в теории криминалистической идентификации занимает разработка классификаций идентификационных признаков. Р. С. Белкин совершенно правильно отмечает, что помимо своего гносеологического значения как одного из средств познания криминалистические классификации представляют собой и одно из средств практической деятельности [14]. Однако практическое значение могут иметь только те классификации, которые разрабатываются с учетом конкретных задач практической деятельности. Разработка так называемых общих классификаций, безотносительно к конкретным задачам, отражает формально-логический подход и не позволяет правильно определить содержание классифицируемых понятий. Например, формально-логический анализ содержания признаков (необходимых, случайных, существенных, несущественных и т. д.) приводит к многочисленным спорам в криминалистической литературе. В. И. Кириллов совершенно правильно подчеркивает, что содержание понятия того или иного признака определяется конкретными связями предмета, а также сторонами, с которых человек подходит к предмету [42]. Практическим задачам отвечает прежде всего функциональное значение криминалистических признаков. Исходя из этой задачи разрабатывались понятия признаков в криминалистике. Содержание этих понятий можно однозначно определить только относительно той функции, которую выполняет та или иная классификация.

Совершенно очевидно, что понятие идентификационного существенного признака имеет содержание, отличное от формально-логического. В криминалистической идентификации всегда существенными будут именно те признаки предмета, которые имеют низкую частоту встречаемости или характеризуют самый узкий класс. Главными показателями существенности субстанциональных признаков в криминалистической идентификации являются их объемные характеристики. Поэтому вряд ли оправдано выделение в качестве самостоятельных субстанциональных и объемных классификаций идентификацион-

ных признаков. Субстанциональные характеристики объектов криминалистической идентификации будут иметь значение только в том случае, если возможна оценка их «объемности». И с этой точки зрения в криминалистической идентификации не может быть безотносительно существенных признаков [31, 43]. В. И. Кириллов правильно отмечает, что практическое отношение к предмету служит основой выделения признаков, существенных в том или ином отношении [42].

То же самое следует сказать и о делении идентификационных признаков на собственные и привнесенные. Идентификация может производиться только на основе собственных признаков. Поэтому неправомерно, с нашей точки зрения, разделение идентификационных признаков на собственные и привнесенные. Например, к числу идентификационных не могут быть отнесены «искусственные отображения признаков, неадекватные самим признакам» [109]. Данные признаки не служат решению задачи идентификации, а часто затрудняют ее. Применяя техническую терминологию, эти признаки можно назвать помехами, шумами по отношению к идентификационной информации. Такие же «привнесенные» признаки, как наслоения посторонних веществ, инородные включения и т. д., которые возникли в результате взаимодействия объекта с окружающей средой (например, материальной обстановкой события преступления) и указывают на специфику его существования в этой среде, безусловно являются собственными признаками. Особую актуальность данные признаки приобретают при идентификации объектов на основе состава и структуры. Применительно к данному виду идентификации деление, в свою очередь, привнесенных признаков на возникших произвольно и в результате сознательной деятельности очень условно, и вряд ли реальна и практически значима задача такого разграничения. Если, например, при изготовлении той или иной продукции в силу технологической необходимости (преднамеренное привнесение) или случайно, по ошибке (непроизвольное привнесение), вводится какой-то иной компонент, непредусмотренный данной технологией, то, очевидно, этот компонент приобретает значение идентификационного признака, независимо от того, как его называть — приобретенным, привнесенным, преднамеренным, произвольным. Например, на возникновение такого индивидуализирующего признака стекла, как его слоистость, наряду с другими влияют следующие факторы: ошибки при взвешивании, неправильный состав шихты, изменение условий варки стекла в печи и т. д. [70]. Что же касается поверхностных наслоений, загрязнений, то в данных объектах эти признаки являются наиболее специфическими, так как указывают на конкретные условия существования объекта. Например, в качестве идентификационных признаков используются поверхностные наслоения на частях автомашины. Установлено, что в результа-

те контакта с почвенным веществом различных участков местности наслоения приобретают специфический состав, позволяющий индивидуализировать транспортное средство, хотя эти наслоения, очевидно, не выражают сущность предмета [109]. В качестве идентификационного признака используются и наслоения посторонних веществ (загрязнения), обнаруживаемые между слоями лакокрасочного покрытия. Однако традиционность представления, что такие признаки не являются собственными признаками объекта, приводит к тому, что далеко не во всех случаях этого вида идентификации имеет место, как показывает практика, целенаправленная деятельность по обнаружению и анализу подобных признаков.

Еще большую специфику имеет деление признаков объектов нетрадиционной идентификации на внешние и внутренние, поскольку многие внешние признаки таких объектов есть результат взаимодействия внутренних признаков. Например, такой внешний признак, как цвет объекта, обусловлен химическим составом и по существу является внутренним признаком. Изменение цвета под действием факторов внешней среды (радиации, влаги и т. д.) также есть результат взаимодействия внутренних процессов. Большинство морфологических, наружных признаков биологических объектов обусловлено внутренними особенностями этих объектов. Отнесение же таких признаков к внешним, наружным может привести к неправильной оценке их происхождения и, следовательно, идентификационной значимости.

Поэтому к внешним признакам объектов нетрадиционной идентификации мы относим лишь такие наружные признаки, которые возникли в результате воздействия внешней среды, но это не привело к возникновению внутренних процессов.

Что касается признаков так называемых объемных классификаций, то они применительно к объектам нетрадиционной идентификации имеют более однозначное содержание, чем традиционных объектов. Например, общие признаки здесь имеют самостоятельное значение, не совпадающее со значением групповых признаков, так как характеризуют интегративные свойства целого и поэтому действительно являются общими для всей частей этого целого. И, следовательно, понятие частных признаков как принадлежащих частям целого здесь полностью соответствует своему назначению. Однако на практике в заключениях экспертов понятие частных признаков часто используется в значении индивидуализирующих. Поэтому приводится неодноосновная схема выявленных признаков: родовые, групповые, частные. В нетрадиционной идентификации замена термина «индивидуализирующие» на «частные» является некорректной, так как данные понятия признаков имеют совершенно различное содержание и относятся к разным классификациям.

Особо следует остановиться на понятии групповых признаков. По мнению ряда авторов, групповыми признаками следует называть лишь такие характеристики объектов, которые связаны с условиями существования множества объектов; признаки же, обусловленные природой объектов, должны именоваться родовыми [см., например, 71, с. 50]. Это предложение было внедрено в практику. Искусственность такого разделения, несоответствие содержания понятий «род», «группа» естественнонаучному и общепринятому привели к тому, что и в литературе, и на практике отсутствует единообразная трактовка родовых, групповых, а также индивидуализирующих признаков. Например, к родовым признакам стекла фарных рассеивателей отнесены признаки, позволяющие определить принадлежность осколков рассеивателям, устанавливаемым на конкретные транспортные средства [70]. На практике нередко признаки тех или иных технических марок относят к числу групповых. Имеют место и такие случаи, когда одни и те же признаки в одних заключениях отнесены к групповым, в других — к родовым. К групповым признакам относят признаки эксплуатации [70], признаки старения (например, в экспертизах исследования лакокрасочных покрытий), хотя те и другие являются индивидуализирующими признаками, поскольку не может быть одинаковых условий эксплуатации хотя бы двух объектов, так же как не может быть одинакового комплекса факторов, вызывающих процессы старения и обуславливающих одинаковую глубину и выраженность этих процессов в нескольких объектах.

Особое значение в нетрадиционной идентификации имеет разработка классификаций интегративных признаков идентифицируемых объектов как целого. Такая классификация должна включать, по нашему мнению, несколько оснований деления признаков: по объему, происхождению, характеру взаимодействия частей, природе. Объемные признаки по степени интегративности следует разделить на общие, локально-интегративные, являющиеся общими лишь для отдельных частей и позволяющие устанавливать их взаимопринадлежность, и частные (локальные). По происхождению следует выделить генетические признаки (или технически обусловленные) и признаки существования. Последние, в свою очередь, должны быть разделены на признаки, возникающие при изготовлении, хранении, эксплуатации, в момент события преступления. По характеру взаимодействия должны быть выделены признаки внешнего, внутреннего взаимодействия и субинтегративные признаки как результат взаимодействия внешних и внутренних элементов (частей) целого. И, наконец, по природе следует выделить признаки состава и структуры.

Классификационные системы в нетрадиционной идентификации в ряде случаев пока что представляют лишь классифи-

кации объектов. Классификации же признаков еще не разработаны. Однако накопителями идентификационной информации как раз являются классификации признаков. В некоторых случаях в признаковых классификациях классифицируются не признаки, а факторы, обуславливающие возникновение признаков [70]. Представляется, что создание классификационных систем идентификационных признаков объектов нетрадиционной идентификации должно вестись более интенсивно. Новые классификации объектов и их признаков должны разрабатываться с учетом их использования в информационно-поисковых системах, на что совершенно правильно указывается в криминалистической литературе [29]. Следует согласиться с мнением о целесообразности разработки классификационных систем, включающих классификации и объектов, и признаков [98]. Однако вряд ли оправдано разделение этих классификаций на блоки в зависимости от задач и применяемых методов. Это приведет к значительному дублированию данных классификаций или, наоборот, к существенной неполноте. Представляет интерес предложение о построении классификации признаков в виде единой взаимосвязанной системы, отражающей модель криминалистического объекта как некоторого целого [21]. Вместе с тем понимание признака как функции строения объекта сужает его информационное содержание.

§ 4. ВИДЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ НА ОСНОВЕ ИХ СТРУКТУРЫ И СОСТАВА

Споры о правомерности наименования данной идентификации криминалистической обусловлены в большей степени тем, что свое название она получила по непосредственным объектам исследования — материалам и веществам, а не идентифицируемым объектам — конкретным материальным образованиям. Это же обстоятельство затрудняет разграничение объектов и задач данного вида исследования и смежных с ним, например материаловедения, товароведения и т. д.

Нельзя признать правильным разграничение объектов КЭМВИ и судебно-биологической экспертизы по такому признаку, как отсутствие или наличие переработки веществ животного и растительного происхождения: объектами первой являются переработанные вещества, превращенные в материалы и изделия; объектами второй — непереработанные [24]. Любое непереработанное вещество под действием механизма события преступления может оказаться составной частью целостного материального образования — идентифицируемого объекта и поэтому быть непосредственным объектом криминалистической экспертизы материалов и веществ.

То же самое можно сказать о КЭМВИ и товароведческой

экспертизе. Объектом изучения первой не является изделие как таковое, а лишь как часть множественного объекта, в котором объединение элементов-изделий в целостное материальное образование произошло в результате события преступления.

С нашей точки зрения, более раскрывает специфику задач и объектов этого вида идентификации наименование ее как криминалистической идентификации объектов на основе их структуры и состава. Такое название показывает, что материалы и вещества составляют лишь основу идентификации, а не конечный ее объект, и вместе с тем подчеркивает, что внешняя и внутренняя структура едины.

Все виды нетрадиционной идентификации целесообразно разделить на две группы в зависимости от того, достигается ли задача криминалистической идентификации — выделение единичного материального образования или идентификационный процесс останавливается на промежуточном этапе. В первую группу мы включаем те виды исследований, где уже разработаны практические методики выделения единичных объектов (данные объекты перечислены в предыдущем параграфе), во вторую группу включаем исследования по установлению принадлежности объектов к конкретным естественнонаучным, техническим и криминалистическим классам (род, вид, марка, партия и т. д.).

Следует остановиться на некоторых видах исследований первой группы, отдельные аспекты которых еще не однозначно решаются в литературе. Одним из таких исследований является исследование, получившее название установления факта контактного взаимодействия. Хотя этот вопрос достаточно давно обсуждается в литературе, но еще не определены гносеологическая природа этого исследования, характер и объем используемой информации, логическая форма выводов. По этим и другим вопросам высказываются диаметрально противоположные мнения. Так, часть авторов считает, что установление контактного взаимодействия производится на основе идентификации, при положительном решении вопроса о тождестве объекта [19, 18, 108] «самостоятельный характер такое исследование носит лишь в том случае, если возможен случай бесконтактного оставления следов» [72, с. 81]. Другие авторы выделяют данный вид исследования как самостоятельный [17, 89, 97, 54], имеющий место как раз в тех случаях, когда возникают трудности при установлении тождества [89] и решение вопроса о факте контактного взаимодействия позволяет одновременно решить и вопрос о тождестве объектов [97].

Постановка вопроса о контактном взаимодействии как самостоятельном исследовании совпадает с периодом интенсивных поисков путей конкретизации результатов идентификационных исследований объектов на основе их структуры и состава

ва. Данный вид исследования возник именно в связи с тем, что анализ отдельных микрочастиц, обнаруживаемых на предметах-носителях (микроволокон, частиц ЛКП и т. д.), не позволял в большинстве случаев решать задачу установления конкретного единичного материального образования в силу недостаточного объема идентификационной информации и требовалось найти такой подход, который бы на современном уровне науки обеспечивал более оптимальные результаты.

В традиционных трасологических исследованиях факт контактного взаимодействия, как правило, выводится из факта индивидуального тождества. Однако, по-видимому, нет основания однозначно связывать факт контактного взаимодействия с объемом отраженной информации. Совершенно очевидно, что невозможность установления индивидуального тождества вовсе не говорит о том, что не имел место факт контактного взаимодействия, в то же время установление индивидуального тождества вовсе не исключает отсутствие факта контактного взаимодействия, например на практике известны случаи фальсификации отпечатков пальцев путем переноса их с третьего объекта. Следовательно, рассмотренные ситуации ставят на повестку дня поиск иных путей обоснования факта контактного взаимодействия, иных признаков, помимо тех, которые используются в традиционной идентификации. Экспертиза факта контактного взаимодействия как раз и является одним из таких путей. Однако обоснование принципиальной возможности установления факта контактного взаимодействия через индивидуальность контактировавших объектов, например комплектов одежды, а также представление взаимоперешедшего субстрата (волокон и др.) как материализованного следа [89, с. 4, 5] по-прежнему сводят данный вид исследования к идентификационному исследованию, где факт контактного взаимодействия рассматривается как обусловленный фактом индивидуального тождества. При таком представлении теряет свою актуальность вопрос о развитии данного исследования как самостоятельного вида, имеющего свои особенности и специфику по сравнению с традиционной схемой идентификационного процесса. Экспертная практика показывает, что хотя в ряде случаев контактировавшие комплекты одежды действительно представляют собой уникальные комплексы, вместе с тем обнаруживаемые на поверхности этих предметов взаимоперешедшие волокна, как правило, не содержат такого объема идентификационной информации, который был бы достаточен для выделения единичного материального образования. Поэтому особенность этого вида исследования мы видим в расширении информации за счет признаков взаимодействия: взаимного переноса субстрата и его локализации. Представление же частиц перенесенного субстрата в виде материализованного следа не подчеркивает эту специфику.

Удовлетворительное описание гносеологической модели факта конкретного взаимодействия, с нашей точки зрения, может быть дано только с позиций системного подхода. Действительно, два взаимодействующих объекта в момент взаимодействия могут быть представлены как единое целое, а возникший при этом взаимный перенос субстрата — в качестве интегративных признаков этого целого (системообразующих признаков), локализация же частиц субстрата образует его пространственную структуру. Перечисленные признаки есть не простое суммирование разнородной информации [18], а качественно новая интегративная информация образовавшегося целого. Результаты идентификационного исследования субстрата перенесенных частиц характеризуют специфику не отдельно взятого объекта взаимодействия (и поэтому нет основания говорить о суммировании идентификационной информации), а образовавшегося целого. Только это целое данная идентификационная информация выделяет из материальной обстановки события преступления, а не по отдельности каждый взаимодействующий объект. Данное целое может быть носителем интегративных свойств, образовавшихся при взаимодействии с большим целым — окружающей обстановкой события преступления. Если возможно установление одномоментности образования этого интегративного свойства на всех взаимодействующих объектах (частях) первого целого, то оно также может являться еще одним признаком их взаимодействия между собой.

Такое описание модели факта контактного взаимодействия более раскрывает его гносеологическую природу, чем это может быть сделано при традиционном подходе. Системный подход не является данью моде, на его основе в естественных науках и технике в настоящее время удалось разработать приемы и методы идентификации сверхсложных объектов. Таким системным объектом в криминалистике является прежде всего объект факта контактного взаимодействия.

При проведении данного исследования могут быть использованы следующие группы признаков: наличие взаимного переноса субстрата, его локализация, наличие следов одномоментного взаимодействия с окружающей обстановкой события преступления, идентификационная информация взаимоперешедшего субстрата.

Для выявления следов взаимодействия с обстановкой события преступления (внешнее взаимодействие) важнейшим методом является экспертный осмотр места происшествия. Следы такого взаимодействия могут иметь не только механическое происхождение, но и любое другое, например образоваться в результате термического воздействия или при одновременном пропитывании предметов одежды жертвы и преступника жидкостью, имевшейся на месте происшествия. При этом существенно выявить такие признаки внешнего взаимодействия, кото-

рые бы позволили проследить связь контактировавших объектов не только с предметами обстановки события преступления, но и непосредственно с самим событием, теми или иными процессами и т. д. (например, при одновременном пропитывании кровью не только одежды жертвы, но и преступника и соответствие этих пятен локализации повреждений на теле жертвы, нанесенных во время борьбы). Соответствие локализации взаимоперенесенного субстрата механизму взаимодействия (так же как и возможные отклонения) может быть прослежено с помощью экспертного эксперимента.

Для оптимизации результатов идентификационного исследования взаимоперешедшего субстрата актуальной проблемой в настоящее время является накопление статистических данных о частоте встречаемости волокон и других частиц и вероятности их обнаружения на предметах одежды. Такие данные по волокнам уже имеются в ряде экспертных учреждений [12, 20, 89]. Однако следует учесть, что в реальных условиях частота встречаемости волокон может оказаться значительно выше расчетной, так как в ряде случаев обнаружение тех или иных групп волокон может быть или коррелирующим признаком в силу технологии изготовления смесовых тканей или детерминировано модой, погодными условиями и т. д.

Безусловно, требует еще своей разработки и логическая форма выводов. Однако это не должно служить основанием для отрицания права на существование этого нового вида исследования, заключающего в себе потенциальную возможность установления непосредственной связи исследуемых объектов с событием преступления.

С проблемой факта контактного взаимодействия тесно связан вопрос о микрообъектах, который совершенно необоснованно, с нашей точки зрения, формируется как самостоятельная проблема, новое учение в криминалистике, имеющее свой особый гносеологический объект. Выделение этого вопроса в качестве нового направления в криминалистике (история вопроса о микрообъектах всесторонне проанализирована Р. С. Белкиным) приводит на практике к неправильной информационной оценке этих объектов, к неправильной тактике их обнаружения и изъятия на месте происшествия, что, в свою очередь, приводит к невозможности их системного анализа при экспертном исследовании. Положительные результаты факта контактного взаимодействия часто оказываются невозможными только потому, что системно связанные следы взаимодействия преступника с жертвой и окружающей обстановкой фиксируются и изымаются как отдельные не взаимосвязанные объекты-частицы (на это ориентируют некоторые практические пособия), хотя экспертиза этих объектов убедительно свидетельствует, что на современном уровне развития науки конкретные единичные

факты могут быть получены при исследовании таких объектов прежде всего как системы.

Требуют анализа некоторые аспекты и другого вида исследования, который имеет значительно более длительное существование, чем факт контактного взаимодействия. Это установление так называемого источника происхождения. Само понятие «источник происхождения» имеет в криминалистике два значения: как некоторый логический класс и как конкретное материальное образование — производственный, сырьевой и т. д. источник. Данное понятие в первом значении используется для указания на общность происхождения двух или более объектов, сравнение которых показало их совпадение по ряду признаков. При этом характер признаков, их количество в криминалистической литературе не определены, на практике же исходят из разных эмпирических данных. Таким образом, имеет место оперирование данным понятием как некоторым логическим классом, но его содержание и объем не определены. Это приводит на практике к тому, что данное понятие используется в тех случаях, когда выявленные признаки оказываются недостаточными для отнесения объектов к конкретным родам, видам и т. д. естественнонаучной или криминалистической классификаций, и в этом случае неопределенные выводы получают видимость определенных. Представляется, что следует использовать понятие «источник происхождения» во втором его узком значении. Первое же значение, являясь собирательным, не должно вводиться в выводы заключений экспертов.

Что же касается идентификационного исследования, связанного с установлением конкретного производственного источника, то здесь имеет место не менее серьезная проблема. В подавляющем большинстве случаев производственные источники устанавливаются по виду выпускаемой продукции (маркам, моделям и т. д.). Комплексы же признаков, характеризующие само производство как конкретное единичное целое, техническую систему, в большинстве случаев пока еще не выявлены. Изучение технологических процессов, условий производства и т. д., проведенное рядом криминалистов, показывает, что может быть выявлен относительно устойчивый комплекс признаков, характеризующий именно само производство. Данные особенности складываются из особенностей технологического процесса, особенностей сырья, поставляемых из определенных сырьевых источников, состояния оборудования, воздействия окружающей внешней среды и т. д. Это показывает, что производственные источники тоже должны изучаться как определенная система взаимодействия внутренних и внешних факторов.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ НА ОСНОВЕ ИХ СТРУКТУРЫ И СОСТАВА

§ 1. РОЛЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ, СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА ПРИ СОБИРАНИИ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ НЕТРАДИЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Специфика данного вида идентификации требует на стадии подготовки материалов для экспертизы более тесного взаимодействия следователя со специалистом или экспертом, более активного участия самого следователя, его большего «внедрения» в вопросы экспертизы. Работа следователя на этом этапе не сводится только к собиранию вещественных доказательств, образцов и т. д., как это имеет место в традиционной идентификации. Главное значение здесь приобретает тщательное изучение и оценка механизма события преступления, взаимодействия объектов материальной обстановки этого события и их роли в данном взаимодействии. Если в традиционной идентификации следователь был обязан выяснить обстоятельства, связанные с существованием идентифицируемого объекта в период после совершенного преступления (например, носилась ли обувь, направляемая на экспертизу; заменялись ли шины в автомашине, шрифт в пишущей машинке и т. д.), то здесь первостепенное значение приобретает изучение обстоятельств, связанных с существованием этого объекта в момент события преступления, а в ряде случаев и до совершения преступления. От полноты и точности исследования данных обстоятельств во многом зависит достижение конечного результата этого вида криминалистической идентификации.

Почему так остро встает в этом виде идентификации проблема изучения данных, необходимых для экспертизы, в самый начальный период его расследования, непосредственно в процессе проведения первоначальных следственных действий: осмотра, обыска, допросов потерпевшего, подозреваемого и т. д.? Это связано со сложностями выделения, определения идентифицируемых объектов и оценки специфичности их свойств, так как многие из них не имеют собственных пространственных границ и устойчивого внешнего строения или являются множественными

объектами. Если в отношении объектов традиционной идентификации пространственное отграничение не представляет собой проблемы в силу их устойчивой внешней формы, предметности, то пространственное очерчивание как отдельных многих объектов этого вида идентификации очень сложно и может быть произведено (и то в ряде случаев в некоторых пределах) на основе изучения обстоятельств расследуемого преступления.

Следует выделить несколько наиболее типичных моментов, которые должны быть выяснены в ходе подготовки материалов при идентификации объектов на основе их структуры и состава: 1) определение идентифицируемых объектов как отделенных материальных образований, т. е. существующих отдельно от других объектов обстановки события преступления; 2) определение целостности идентифицируемых объектов; 3) выяснение механизма взаимодействия объектов в момент события преступления и их положения относительно друг друга и обстановки события преступления в целом; 4) выяснение обстоятельств образования, хранения, эксплуатации данных объектов как до совершения преступления, так и после его совершения.

Определение идентифицируемых объектов как отдельных материальных образований актуально только в тех случаях, когда такими объектами являются сыпучие вещества, жидкости, участки местности, т. е. объекты, не имеющие собственных устойчивых границ. Такое определение прежде всего может быть произведено на основе тех или иных признаков их пространственной локализации. Например, в отношении участков местности определяются их конкретные пространственные границы, в отношении сыпучих материалов выясняется их расположение в тех или иных хранилищах или на участках местности (например, ориентируется куча зерна в зернохранилище относительно предметов обстановки: дверей, вентиляционных устройств и т. д., куча удобрения на поле — относительно постоянных ориентиров этой местности). Большую выделенность такие объекты получают, если они хранятся в определенных емкостях (например, хранение дрови в определенной банке, зерна — в определенном ларе зернохранилища, горючего материала (например, нефтепродуктов) — в бутылке, канистре, резервуаре и т. д.). Данные обстоятельства должны быть выяснены при допросах обвиняемого, проживающих с ним родственников, соседей, в процессе обыска. Если не удалось точно выяснить, в какой емкости хранились те или иные материалы, а в процессе обыска обнаружено, что они имеются в нескольких емкостях, то следует изъять все обнаруженные емкости (например, несколько банок с дробью, несколько бутылок горючей жидкости и т. д.).

Более сложно выяснение целостности идентифицируемых объектов, т. е. их исходной массы (объема), размера материала до совершения преступления: делились ли они на части, на какое количество и где могут находиться эти части. Такие данные,

как правило, можно получить только при допросах. Поскольку показания могут быть очень приблизительными, то необходимо допрашивать несколько лиц и сопоставлять полученные показания (обвиняемого, проживающих с ним родственников, соседей, знакомых). При этом целостность (комплектность) множественных объектов (например, комплектов одежды, участвовавших в контактном взаимодействии), а также механизм взаимодействия, положение взаимодействовавших объектов выясняются в результате осмотра места происшествия, предметов одежды или других объектов контактного взаимодействия, допроса потерпевшей и обвиняемого.

При осмотре места происшествия в этих случаях очень важно проследить последовательность действий преступника, выявить предметы обстановки, с которыми контактировала одежда преступника, орудия преступления и т. д. При этом следует считать обязательным правилом изъятие с места происшествия предметов-носителей с предполагаемыми микрообъектами, а не отдельных частиц, следов. Если такое изъятие оказывается невозможным и возникает необходимость обнаружения и изъятия самих микрообъектов, следует считать обязательной фиксацию конкретных участков, с которых производилось их изъятие и последовательность этого изъятия. Только при такой фиксации может быть выявлено системообразование следов и их топография. В этой связи нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые указывают лишь на целесообразность фиксации локализации микроследов [17]. По нашему мнению, обязательной является фиксация места их обнаружения не только в протоколе осмотра места происшествия, но и на отдельной схеме, которая бы показывала общую топографию таких следов и последовательность их изъятия. Если осматриваются большие поверхности, а для обнаружения и изъятия применяется увлажненный пористый материал или электростатические палочки, то необходимо разбивать эту поверхность на отдельные участки (квадраты, полосы) и последовательно обрабатывать каждый отдельный участок, фиксируя на схеме обнаруженные микрообъекты на этих участках. Совершенно очевидно, что актуальной проблемой сегодняшнего дня является разработка приборов, которые бы обеспечивали обнаружение и изъятие микрообъектов без нарушения их локализации, например прибора электростатического электричества.

Большое значение для выяснения факта контактного взаимодействия имеет осмотр предполагаемых объектов контактного взаимодействия с целью сопоставления расположения следов взаимоперешедшего субстрата. Однако если такой осмотр может быть проведен в стационарных условиях (например, осмотр комплектов одежды), то не следует это делать на месте происшествия. С нашей точки зрения, осмотр одежды для обнаружения микроследов контакта необходимо производить только с

участием специалиста или эксперта и никак нельзя согласиться с рекомендациями некоторых методических писем о том, что следователь, производя такой осмотр и обнаружив микрообъекты, должен изымать их с предметов-носителей.

Данные о механизме взаимодействия, взаимном положении преступника и потерпевшего следует дополнять и уточнять и в процессе допроса этих лиц. Необходимо подробно выяснить, какими участками, сторонами контактировала поверхность одежды. В этом случае эксперт сможет не только выявить наличие микроволокон, но и зафиксировать взаимную их локализацию. Следует также выяснить, не мог ли иметь место контакт данных объектов до события преступления и какой был механизм этого контакта.

Выяснение обстоятельств образования, хранения, использования идентифицируемых объектов или отделенных частей может быть произведено путем допросов лиц, в пользовании, хранении и т. д. которых находились данные объекты. Так, например, у работников зернохранилища следует выяснить, как была образована масса зерна в том или ином ларе, куче, какие ссыпалась сорта зерна, в каком количестве и в какой последовательности. Во всех случаях обнаружения жидкостей или сыпучих материалов в тех или иных емкостях следует получить данные о том, какие материалы и вещества хранились в этих емкостях прежде или хотя бы для каких целей они использовались. В отношении предметов одежды выясняются способы их чистки, той или иной обработки и т. д. Поскольку такие данные часто сообщаются неточно, приблизительно, следует допрашивать нескольких лиц и сопоставлять полученные показания.

В ряде случаев для решения рассмотренных вопросов требуется изучение непосредственно свойств идентифицируемых объектов или их частей (следов), обнаруженных на месте происшествия. Например, правильное определение границ участка местности нередко требует хотя бы некоторого изучения компонентного состава этого участка. То же самое следует сказать и о факте контактного взаимодействия. В подобных случаях необходима помощь специалиста. Однако те криминалисты, которые сейчас входят в состав оперативно-следственных групп, не обладают знаниями в этой области. По нашему мнению, при осмотре места происшествия по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 117, 102 УК РСФСР, участие специалиста в области идентификации локальных участков местности должно быть таким же обязательным, как и судебного медика. В этом нас убеждает то обстоятельство, что в большинстве случаев на практике производится неправильное определение границ идентифицируемых участков или неправильный отбор образцов. При этом производство экспертиз нередко приостанавливается на срок от 2 недель до месяца и более, так как организовать повторный выезд на место происшествия гораздо сложнее, чем качественно

провести его с самого начала. Уже есть положительный опыт, где на подобные осмотры в обязательном порядке выезжает специалист НИИСЭ. Очевидно, этот опыт следует распространить и на другие регионы. В более крупных из них требуется надведомственное решение данного вопроса. По нашему мнению, в крупных административных центрах такой специалист должен быть постоянным участником выездной группы, как это сделано сейчас в отношении судебного медика и криминалиста в ряде регионов.

Участвующий в подготовке материалов специалист обязан оказать следователю помощь: в обнаружении, фиксации и изъятии следов и частиц материалов и веществ, отборе образцов, в определении, какое материальное образование может быть идентифицируемым объектом в данном событии преступления, какие обстоятельства следует выяснить при допросах потерпевшего, обвиняемого и других лиц, какие объекты выявлять при обыске и как их изымать, какие наиболее существенные вопросы следует сформулировать в постановлении о назначении экспертизы, необходимо ли назначить по этим объектам других экспертиз (судебно-медицинской, трасологической и т. д.), какова их последовательность.

Собранные следователем сведения по указанным выше обстоятельствам должны быть подробно изложены в постановлении о назначении экспертизы. Кроме постановления, вещественных доказательств и образцов в экспертное учреждение направляются копия протокола, схема изъятия микрообъектов на месте происшествия, образцы почвы при идентификации локального участка и т. д. (особенности отбора материалов для КЭМВИ см. [59, 76]). Следует согласиться с Н. А. Селивановым, что все эти материалы вполне правомерно по данному виду идентификации относить к идентифицирующим объектам [107].

Большое значение для результативности этой экспертизы имеет оперативность нахождения и изъятия объектов, подлежащих отождествлению. Однако практика показывает, что даже через значительный промежуток времени на одежде и верхних частях обуви могут сохраниться загрязнения или другие вещества, позволяющие произвести идентификацию конкретных единичных материальных образований.

Ошибочным является мнение некоторых практических работников, что сильно загрязненную одежду не следует направлять на экспертизу факта контактного взаимодействия. Доказательством факта контактного взаимодействия могут явиться любые взаимоперенесенные вещества. Если на одежде не сохранились волокна, то, возможно, как раз эти загрязнения и укажут на контактное взаимодействие. Но обязательным условием при этом является выяснение, не образовались ли данные загрязнения при хранении одежды или последующем использовании.

Учитывая комплексный характер идентификации объектов

на основе их структуры и состава, в постановлении о назначении экспертизы следователь обязательно должен указать, можно ли расходовать все вещество, представленное на исследование.

Особо следует остановиться на формулировании вопросов. Во всех случаях, когда удалось определить подлежащий отождествлению объект как отдельное материальное образование и отобрать надлежащие образцы, следует формулировать вопросы об установлении тождества конкретных единичных объектов, например о конкретных предметах, части, субстратные следы которых обнаружены на месте происшествия, о конкретных участках местности, производственных и сырьевых источниках (если это является обстоятельством, подлежащим доказыванию), конкретных массах (объемах) материалов, веществ, контактом взаимодействия конкретных комплектов одежды и т. д. Если определить, выделить идентифицируемый объект как отдельное материальное образование не удалось, ставятся вопросы о конкретных группах: классах, родах, видах, марках, партиях, целевом назначении, способе, месте изготовления и т. д., т. е. обо всех тех данных, которые могут сузить круг поиска объектов, связанных с событием преступления.

Следует признать недопустимой получившую распространение практику переформулировки совершенно правильно поставленных следователями вопросов о конкретном единичном объекте, конкретных классах, видах, марках и т. д. на неопределенные вопросы о так называемой общей родовой и общей групповой принадлежности. Подобная переформулировка сужает объем задания следователя и таким правом эксперт не обладает. Вопросы должны отражать современный уровень экспертизы, а не возможности того или иного конкретного учреждения. Даже если допустить, что эти переформулировки делаются по договоренности между следователем и экспертом после того, как эксперт при предварительном осмотре вещественных доказательств пришел к выводу, что здесь не может быть установлена конкретная группа или единичный объект (что не всегда можно на этом этапе решить), подобное изменение формулировок нельзя признать оправданным. В некоторых экспертных учреждениях существует предварительная договоренность со следователями о том, что если в процессе исследования выяснится возможность установления конкретной группы или единичного объекта, то эксперты выйдут за пределы задания. Но и в этом случае, по нашему мнению, нельзя признать правильной переформулировку вопросов следователя, ведущую к сужению объема его задания. Это неправильно ориентирует участников уголовного процесса при рассмотрении дела в суде, так как из таких заключений нельзя понять, исследовалась ли экспертами возможность установления конкретных объектов или узких групп, и тем самым затрудняется оценка полноты проведенного исследова-

дования по данной экспертизе, что может явиться поводом для назначения повторной экспертизы. Надо сказать, что эксперты, переформулируя вопросы на более широкие типа общей родовой (групповой) принадлежности, в заключениях не отражают, проводилось ли исследование по установлению конкретных групп или единичного объекта в соответствии с современными возможностями данной экспертизы и не дают объяснения, почему эти вопросы не удалось решить, а такие мотивировки в заключениях должны обязательно содержаться. Это требование, например, неукоснительно соблюдается в традиционных экспертизах. И тем более это должно быть обязательным для экспертизы, находящейся в стадии становления, в возможностях которой еще недостаточно ориентируются следователи. Поэтому, с нашей точки зрения, обязательно следует указывать, почему не удалось ответить на те или иные конкретно сформулированные следователем вопросы, в силу ли неразработанности методики, невнедренности ее в данном учреждении, отсутствии соответствующего оборудования, где такие исследования могут быть проведены.

Эксперт, принимая материалы на экспертизу, помимо действий общего характера по проверке предоставленных материалов, должен установить, не требуется ли по данным же вещественным доказательствам проведение других экспертиз, правильно определить последовательность их производства и сообщить об этом следователю.

§ 2. ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ КОМПЛЕКСНОГО ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ И ВЕЩЕСТВ

Нарастающий процесс интенсивного внедрения в экспертизу материалов и веществ новых средств и методов поставил на повестку дня задачу систематизации, сопоставления и оценки данных методов с точки зрения их информативности и надежности, степени трудоемкости и скорости получения результатов анализа, универсальности, доступности для широкого круга практических экспертных учреждений. Особенно важна задача разработки предельно четкой классификации этих методов в соответствии с уровнем современного криминалистического идентификационного исследования материалов и веществ.

Предложено несколько классификаций методов, применяемых при исследовании материалов и веществ. Так, по мнению В. С. Митричева, наиболее важным основанием такой классификации является природа информации об исследуемом объекте. В соответствии с этим он выделяет четыре группы методов: морфоанализа, анализа состава материалов и веществ, анализа структуры вещества [72]. По сходному основанию дает классификацию методов и А. Р. Шляхов [120]. Б. Е. Гордон, клас-

сифицируя спектральные методы, выделяет несколько оснований: по характеру регистрируемых свойств и по глубине проникновения, по локальности [35].

Представляется, что классификация методов криминалистического исследования материалов и веществ должна быть подчинена главной задаче такого исследования — идентификации. Поэтому они должны быть разделены на две группы: аналитические и оценочные. В свою очередь, классификация аналитических методов должна способствовать решению таких специфических задач криминалистической идентификации, как выявление в анализируемых следах и частицах целостных характеристик идентифицируемых объектов и обеспечение комплекса методов, которые предусмотрены той или иной методикой, предназначенной для отождествления конкретных единичных объектов или максимально узких групп. При решении этих задач, по нашему мнению, имеет значение не только классификация методов по природе информации, но и по способу ее получения. Поэтому аналитические методы следует разделить также на две группы. В первую группу мы включаем методы неразрушающего действия, которые позволяют выявить информацию, связанную с внешним воздействием окружающей среды (именно эта информация может содержать наиболее индивидуализирующие признаки), и собственную морфологию объектов. Вторая группа аналитических методов, направленных на изучение внутренней структуры и состава в естественнонаучной классификации, подразделяется по природе информации (например, различают методы исследования состава: элементный, изотопный, молекулярный, фазовый, фракционный). В криминалистической классификации в каждой информационной группе должно быть жесткое подразделение методов по неразрушаемости, чувствительности, информативности и по этим же данным должна быть определена и согласована последовательность применения методов разных информационных групп.

В группу неразрушающих методов первоначального этапа, предназначенных для исследования внешнего воздействия окружающей среды и собственной морфологии объектов, мы включаем микроскопические методы, методы интроскопии, методы отражательной спектроскопии, люминесцентный анализ, топографические методы элементного анализа, если они не разрушают объект.

Микроскопические исследования являются традиционными для криминалистики и широко применяются в идентификационных исследованиях. Однако для выявления на микрочастицах всевозможных субмикроскопических наслоений, включений и т. п. посторонних веществ как результата контакта идентифицируемого объекта с внешней средой очень важно применение люминесцентной и электронной микроскопии. При этом оптималь-

ным вариантом являются такие микроскопические установки, которые имеют спектрофотометры и компьютеры, позволяющие проводить математическую обработку результатов исследования. Уже накоплен достаточный объем экспериментальных данных, которые показывают, что эти методы, особенно растровая электронная микроскопия, позволяют выявлять очень специфические признаки воздействия внешней среды. Так, выявлены признаки деструктивных изменений волокон при механическом воздействии [44], термическом воздействии, признаки технологической обработки, эксплуатации [111], в лакокрасочных покрытиях и полимерах — признаки особенностей технологических процессов, способов изготовления и нанесения покрытия, адгезионных связей слоев, эксплуатации, старения и т. д. [74]. Разработана методика исследования лакокрасочных покрытий с помощью электронной микроскопии [73]. Исследование ряда объектов с помощью просвечивающей электронной микроскопии также показало возможность выявления индивидуализирующих особенностей объектов. Например, исследование внутренней структуры пластических смазок позволило установить признаки, указывающие на давность хранения смазок [57]. Однако изучение практики показывает, что даже в тех учреждениях, которые располагают данными приборами, их применение при экспертных исследованиях — пока еще довольно редкое явление. Требуется самое интенсивное их внедрение в практику. Следует продолжать и экспериментальные исследования с целью дальнейшей детализации признаков эксплуатации, старения и произвести их классификацию в зависимости от происхождения от действия конкретных факторов внешней среды.

Помимо методов оптической и электронной микроскопии в настоящее время в технике разработано большое количество других неразрушающих методов исследования поверхности, в частности голографических, некоторые из них позволяют обнаруживать особенности, невыявляемые микроскопическими методами, например метод микроволновой интерферометрии, который может найти применение и при исследовании морфологии криминалистических объектов при идентификации целого по частям.

Следует констатировать, что применение новых методов морфологического исследования в экспертной практике является недостаточно удовлетворительным, в то же время именно морфологическая информация может содержать характеристики взаимодействия объекта с внешней средой, обусловленные особенностями использования, эксплуатации объектов и, следовательно, быть наиболее специфичной. В основе создавшегося положения лежит единственная причина — разделение единого объекта криминалистической идентификации на объект внешнего строения и объект внутренней структуры и состава. В силу этого морфологическая информация как интегративный резуль-

тат внешнего и внутреннего взаимодействия объекта осталась за пределами криминалистических исследований.

То же самое необходимо сказать и о методах изучения внутренней структуры объектов, получивших название интроскопии, например методов радиоскопии (радиографии): рентгенографии, γ - и β -графий, нейтронографии и др. В свое время была исследована возможность радиографии при идентификации целого по частям при отсутствии общей линии разделения и получены положительные результаты. Разработана методика сравнительного микроскопического исследования слоистости стекла [65]. Данный метод также можно отнести к интроскопическим. Следует шире использовать эти методы на практике.

Люминесцентный анализ можно назвать «переходным» методом от морфологии к составу, поскольку он соединяет в себе возможности морфоанализа и анализа состава вещества. Спектральный люминесцентный анализ является одним из самых чувствительных и универсальных методов, позволяющим исследовать объекты органической и неорганической природы без их разрушения. Поэтому данный метод должен быть включен в число методов первоначального этапа комплексного идентификационного исследования материалов и веществ (думается, неоправдано его расположение и в общем классификаторе основных методов судебной экспертизы после эмиссионного и атомно-абсорбционного анализов). Его перспективность в идентификационном криминалистическом исследовании обусловлена еще и тем, что спектры люминесценции содержат информацию не только о составе вещества, но и структурных дефектах, возникающих в процессе технологической обработки и эксплуатации.

Внедрение в практику высокоинтенсивного источника — азотного лазера еще более расширило возможности использования данного метода при исследовании микроколичеств слаболюминесцирующих объектов (стекло и др.) [32].

Наличие в спектрофотометрической установке люминесцентного микроскопа дает возможность изучать микроморфологию и спектральный состав. Например, исследование лакокрасочных покрытий показало, что люминесцентный микроморфоанализ позволяет различать большее количество слоев, выявлять характер распределения примесей и их количество, признаки старения покрытия и т. д. [69].

Получает распространение еще один вид люминесцентного анализа — термолюминесценция. В результате термостимулирования данный метод позволяет исследовать световую сумму, запасенную объектом в процессе технологической обработки (термообработки, прессования и т. д.), эксплуатации или приобретенную природными объектами в конкретных условиях внешней среды, что может служить в ряде случаев интегративным признаком при идентификации целого по частям. Исследование автостекло показало, что могут быть определены вид стекла,

способ производства и опосредственно производственный источник. Находит он применение и при исследовании почв [135].

В ряде работ показана перспективность применения рентгенофлуоресценции (спектры которой более характеристичны, чем фотолюминесценции) при исследовании строительных красок [133], стекла [134 и др.].

Из методов отражательной спектроскопии наиболее отвечает задачам криминалистического идентификационного исследования материалов и веществ на начальном этапе метод МНПВО. Он не требует никакого приготовления образца и позволяет исследовать очень тонкие поверхностные и объемные слои веществ в любом агрегатном состоянии. Изменение параметров анализа дает возможность производить послойную запись спектров и регистрировать такие внешние и внутренние взаимодействия, как процессы окисления, адсорбции, миграции компонентов, наслоения незначительных количеств посторонних веществ и т. д. В настоящее время возможности этого метода еще более расширились, так как найден пластический материал для изготовления элементов МНПВО, что позволяет исследовать объекты любой формы. Медленное внедрение этого метода в экспертную практику можно объяснить его нетрадиционностью, необходимостью приобретения дополнительного оборудования. Поставлявшиеся ранее ИК-спектрометры UR-10, UR-20 не комплектовались в большинстве случаев дополнительным оборудованием. Однако многие научно-исследовательские институты как фундаментальные, так и прикладные имеют и серийные, и экспериментальные отечественные приставки, которые дают достаточно хорошие результаты. Например, сравнение спектров МНПВО цветной протекторной резины, полученных нами на экспериментальной приставке [104], и спектров МНПВО аналогичных образцов, записанных на Фурье-спектрометре [129], показало, что они вполне сопоставимы. Для получения хороших результатов по методу МНПВО требуется приобретение некоторого навыка, отработанная методика, а не эпизодическое его применение, как это имеет место в ряде экспертных учреждений. Обязательным условием является тщательно отъюстированная приставка [105]. Лучшие результаты дает запись спектров на спектрометрах с дифракционной решеткой как более светосильных или снабженных микропроцессорами, обеспечивающими накопление сигнала. Однако следует подчеркнуть, что МНПВО является пока что единственным современным методом, позволяющим исследовать изменения в приповерхностных слоях объектов, возникающие под действием внешних факторов, а также посторонние поверхностные наслоения органических веществ любого происхождения без какого-либо нарушения самого объекта. Поэтому данный метод должен входить в качестве одного из обязательных в комплексную идентификационную методику установления целого по частям.

К методам второго этапа комплексной идентификационной методики мы относим молекулярный спектральный анализ. Все методы оптического молекулярного анализа являются неразрушающими, поэтому их применение должно предшествовать элементному анализу.

Наибольшая часть криминалистических объектов имеет органическое происхождение. Поэтому важное значение приобретает оснащение экспертных учреждений комплексом современных приборов молекулярного спектрального анализа. Как правило, экспертные учреждения имеют необходимый комплекс таких приборов, позволяющий проводить исследования в видимой, УФ- и ИК-области. Однако достижения современной техники значительно расширили возможности многих традиционных методов молекулярного спектрального анализа. Поэтому требуется их пересмотр и переоценка. Так, например, применение лазерных источников во много раз повысило чувствительность и ускорило процесс анализа метода комбинационного рассеяния, который, имея ряд преимуществ (отсутствие необходимости приготовления образцов, более широкий круг объектов, простота микроанализа, возможность исследования в области низких частот и др.), может найти применение в комплексной идентификационной методике материалов и веществ.

Использование в ИК-спектроскопии в качестве источников перестраиваемых лазеров вообще исключит необходимость в спектрометре, потребуется лишь детектор.

Развитие электронно-вычислительной техники сделало практически доступной Фурье-спектроскопию, которая пока еще не нашла применения как в отечественной, так и зарубежной криминалистике, но является одним из перспективных будущих методов. В Фурье-спектроскопии нет разложения света в спектр, на выходе спектрометра — интерферограмма, каждая точка которой несет информацию обо всем спектре. Интерферограмма может быть пересчитана с помощью ЭВМ в спектр. Одновременная регистрация на интерферограмме всего излучения (а не последовательная, путем сканирования луча) дает возможность фиксировать слабые полосы, записывать спектры с высокой степенью разрешения и во много раз увеличивать скорость регистрации. Например, для регистрации спектральным путем той информации, которая заложена в интерферограмме, требуется 50 суток, интерферограмма регистрируется за 40 мин.

Сравнительно новые для криминалистики методы радиоспектроскопии (ЭПР и ЯМР) характеризуются высокой чувствительностью, универсальностью, неразрушающим действием, экспрессностью анализа. В силу этих качеств их применение более предпочтительно в криминалистической практике, чем оптической спектроскопии, но дефицитность оборудования ограничивает возможность использования данных методов в рядовых

экспертных учреждениях. ЭПР находит применение прежде всего при исследовании такого сложного органического объекта, как саженаполненные резины, вызывающие большие трудности при исследовании методами оптической молекулярной спектроскопии (в некоторых пределах эти трудности преодолеваются с помощью МНПВО). ЭПР же позволяет, как показали эксперименты, дифференцировать образцы не только разных заводов, но и одного и того же [62], возможна дифференциация стекол в зависимости от сырьевого источника, в полимерах выявляются деструктивные изменения в результате механического воздействия, радиации и т. д.

Еще один вид неоптического анализа состава вещества — масс-спектрометрия также является высокочувствительным универсальным методом, позволяющим исследовать молекулярный и элементный состав. К числу ограничений этого метода относится разрушение вещества при анализе, поэтому в комплексной идентификационной методике он должен применяться после неразрушающих методов. Вместе с тем данный метод обладает таким существенным преимуществом перед другими методами, как способность различать очень близкие по строению соединения в сложных многокомпонентных смесях (особенно в комплексе с хроматографическим анализом). Поэтому он находит применение при исследовании нефтепродуктов, некоторых растительных объектов, фармпрепаратов, близких по строению красителей и т. д.

Особое место в комплексной идентификационной методике занимают рентгеновские методы — структурный и спектральный анализы (и тот, и другой являются неразрушающими). Наибольший интерес в идентификационном исследовании представляет первый, поскольку позволяет выявлять изменения в тонкой кристаллической структуре объектов, очень чувствительной к воздействию внешней среды. Например, температура, давление, процессы старения могут изменить период кристаллической решетки, число и величину кристаллов и т. д. При возможности однозначной интерпретации выявленных особенностей кристаллической структуры от действия определенных факторов появляется ценная информация, которая может служить интегративным признаком при идентификации целого по частям. Однако исследования показали, что одновременное воздействие многих факторов, неизвестность условий эксплуатации затрудняют конкретную интерпретацию выявленных особенностей кристаллической структуры [81]. В ряде случаев при интерпретации данных рентгеноструктурного анализа, очевидно, может помочь моделирование тех или иных условий эксплуатации.

В экспертных идентификационных исследованиях рентгеноструктурный анализ пока еще используется лишь для определения фазового состава, позволяющего различать полиморфные

модификации веществ одинакового химического состава (пигментов в автоэмалях и др.).

Ценную идентификационную информацию может дать рентгеновский микроспектральный метод, получивший название электронного микрозондового анализа, который позволяет устанавливать состав локальных включений и топографию распределения элементов по поверхности объекта.

Большинство методов определения элементного состава является разрушающими, поэтому они должны быть классифицированы по степени информативности и чувствительности. Исключение составляет нейтронно-активационный анализ. К тому же данный метод обладает наибольшей чувствительностью и информативностью (одновременной многоэлементностью анализа). Поэтому его следует поставить на первое место в ряду методов элементного анализа. Однако сложность оборудования и отсутствие разработанной методики затрудняют использование данного метода на практике.

Наиболее распространенным в экспертной практике методом элементного спектрального анализа является эмиссионный, используемый для исследования очень широкого круга объектов неорганического происхождения, а также для выявления микроэлементного состава в органических объектах. Однако использование ЭСА в экспертной практике в ряде случаев только лишь как полуколичественного метода уменьшает его возможности при идентификационном исследовании материалов и веществ. По существу он используется как дифференцирующий метод. В последние годы расширились возможности этого метода с внедрением в практику нового источника энергии — индукционной высокочастотной плазмы. Отмечается, что данный метод имеет более низкий предел обнаружения, более широкий круг одновременно определяемых элементов, возможность определения и основных элементов и примесей [23]. Высокая степень автоматизации приборов с источником ИВЧП, наличие компьютера и нескольких программ позволяют производить не только быструю расшифровку спектра, но и количественную оценку выявленных элементов. Поэтому трудоемкий количественный анализ превращается в экспресс-метод.

Внедрение в практику локального лазерного микроспектрального анализа позволило выявлять элементный состав микровключений, исследовать послойно многослойные микрообъекты, не разрушая при этом объекты полностью [40].

Все большую распространенность в криминалистической практике получает метод атомно-абсорбционной спектроскопии, чувствительность которого значительно превышает чувствительность ЭСА. Метод отличается высокой селективностью, большой информативностью, простотой анализа. Преимуществом является и автоматизированность приборов. Данный метод получает применение при исследовании следов выстрела, обнару-

жения следов металлов в органических веществах и на различных поверхностях, при количественном анализе жидких веществ или легко переводимых в раствор [78]. Однако необходимость последовательного (а не одновременного) определения элементов ограничивает его применимость в идентификационных исследованиях.

В криминалистике пока еще не нашел применения перспективный в идентификационных исследованиях метод фотоэлектронной спектроскопии — ОЖЕ-спектроскопия, позволяющий изучать процессы, происходящие на поверхности объекта, и наблюдать топографию распределения элементов.

Анализ практики показывает, что большинство экспертных учреждений располагает необходимым комплексом методов для криминалистического идентификационного исследования материалов и веществ. Задача состоит в оснащении данных учреждений такими приборами, которые бы расширяли возможность этих методов в выявлении малых количеств компонентов, увеличивали информативность спектров, уменьшали затраты времени на интерпретацию полученных результатов как качественного, так и количественного анализа. Такими возможностями обладают приборы с микропроцессорами, компьютерами, снабженными программами изменения параметров записи спектров, накопления сигнала и обработки результатов анализа. Именно такие приборы должны быть обычным явлением в экспертной практике в силу своего быстрого действия, информативности, точности, но они пока что доступны только ведущим экспертным центрам. Однако все большее усложнение техники ведет и к все большему ее удорожанию, а это значит, что с каждым годом будут сокращаться возможности приобретения современных приборов рядовыми учреждениями. Это не только криминалистическая проблема. Высказываются мнения, что сложная новая техника может оказаться в конце концов доступной только лишь нескольким самым фундаментальным научным центрам [13]. Применительно к криминалистической практике проблема приобретения современного оборудования усугубляется еще и ведомственной разобщенностью экспертных учреждений, распыляющей материальные средства.

Одним из путей некоторого преодоления данной проблемы мы видим в более широком использовании чужих баз. Такой положительный опыт имеется, например в Латвийской ССР. Очевидно, более равномерным должно быть распределение оборудования. Следует учесть, что экспертные учреждения ряда регионов являются не только исполнителями, но и ведущими в выполнении тех или иных тем комплексного плана научно-исследовательских работ (например, создание фондов ИПС). Естественно, отсутствие современного оснащения затрудняет проведение таких исследований.

Как было показано выше, в настоящее время эксперимен-

тально, а в ряде случаев уже и на практике проверены возможности исследования криминалистических объектов большинством современных методов естественно-технических наук. Этап поиска «лучших» методов, по-видимому, следует считать законченным. Экспериментальные проверки этих методов хорошо показали, что нет «лучших» или «худших», каждый из них ограничен жесткими рамками своих возможностей. Ни один из современных методов, даже самый совершенный, взятый отдельно, не может решить задачу выделения комплекса индивидуализирующей информации криминалистического объекта. Следует определить оптимальные комплексы методов, направленные на максимальное выявление индивидуализирующей информации. Решение этой задачи требует прежде всего сопоставления и оценки информации, полученной разными методами. Например, для исследования стекла предложены методы эмиссионного, атомно-абсорбционного, люминесцентного спектрального с лазерным источником и в условиях низких температур, термо-, рентгенолюминесценции, ЭПР и других анализов. Однако данные этих методов не сопоставлены и не определено, какой их комплекс является оптимальным. Такое же состояние характеризует лакокрасочные покрытия и другие криминалистические объекты.

По-видимому, следует более целенаправленно на решение задачи криминалистической идентификации вести и экспериментальные исследования, не ограничиваясь выявлением некоторого набора дифференцирующих признаков без вычленения их конкретного происхождения или определения статистической значимости и устойчивости. Только в этом случае дифференцирующие признаки могут перейти в разряд идентификационных. Большую актуальность для решения проблемы выделения единичного объекта на основе состава и структуры представляют те экспериментальные исследования, где удалось проследить однозначную связь между образованием определенных признаков и конкретными факторами существования объектов. В числе таких исследований прежде всего следует назвать установление признаков изменения структурно-группового состава моторных масел при их эксплуатации; установление признаков изменения структуры пластических смазок в зависимости от длительности их хранения и др.

Что касается оценочных методов, то все еще не решен один из принципиальных вопросов криминалистической идентификации (как традиционной, так и нетрадиционной): какие методы, качественные или количественные, кратчайшим путем могут привести к выделению единичного объекта. Так, высказывается мнение, что наиболее реальной является идентификация конкретного объекта на качественном уровне по специфическим признакам случайного происхождения [92]. Есть и другое мнение: индивидуализировать объект можно через определение

статической значимости признаков состава и структуры, например при применении методов многомерной статистики. Именно количественные методы чаще конкретизируют результаты идентификационных исследований материалов и веществ, приближая их к решению конечной задачи. Расширение количественных методов, в свою очередь, поставило проблему внедрения в нетрадиционную идентификацию и более широкого круга таких оценочных методов, как статистические. Совершенно правильно отмечается актуальность этой проблемы [33]. Статистические методы должны найти более интенсивное применение и в экспериментальных исследованиях, направленных на изучение наиболее распространенных криминалистических объектов, и непосредственно в экспертизах. Следует согласиться с мнением, что должна быть произведена систематизация в рамках единой математической теории широкого класса задач, возникающих в области судебной экспертизы и научных исследований [33].

§ 3. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОМПЛЕКСНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ МЕТОДИКИ

Исследование сложных системных объектов нетрадиционной идентификации потребовало привлечения большого комплекса методов их исследования, участия в этом исследовании большого круга экспертов разных специальностей. Новый комплексный подход в исследовании криминалистических объектов привел к возобновлению дискуссии о понятии комплексной экспертизы и ее задачах. В настоящее время выделены такие формы комплексного исследования, как комплексно-кооперативные, комплексно-вспомогательные, комплексно-интегративные [54], монокомплексные, поликомплексные. Тем самым процессуальное понятие комплексной экспертизы было заменено общенаучным понятием.

Такой подход в трактовке понятия комплексной экспертизы сглаживает различие между установившимся, ставшим традиционным понятием комплексной экспертизы как процессуального действия и понятием комплексного исследования как особого вида научно-технической деятельности. Различение этих понятий существенно для научной дисциплины, обслуживающей практическую деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Всякая процессуальная деятельность связана с определенным кругом прав и обязанностей ее субъектов, уяснение которых невозможно без четко сформулированной задачи этой деятельности. В настоящее время определился круг задач, объектов, прав и обязанностей субъектов комплексной экспертизы как процессуальной деятельности и, по-видимому, нет необходимости расширять это понятие.

Процессуальная комплексная экспертиза имеет место в тех случаях, когда возникает необходимость в привлечении предста-

вителей смежных специальностей для исследования не любых сложных объектов, а объектов особого рода (перечень таких объектов четко обозначился на практике). Почему, например, всякий раз, когда возникает необходимость исследования направления выстрела, положения стрелявшего и потерпевшего, привлекаются специалисты таких смежных специальностей, как криминалист и судебный медик? Задача такой деятельности—не соединение знаний криминалиста об оружии и боеприпасах и судебного медика о повреждениях, причиняемых этим оружием [54], а исследование особого интегративного объекта, синтезировавшего в себе признаки как криминалистической, так и судебно-медицинской информации, расчленение которых в качестве объектов отдельных экспертиз невозможно в силу интегративной целостности этого объекта. Действительно, правильное уяснение положения оружия, позы стрелявшего и потерпевшего, направления выстрела, места стрелявшего и т. д. требует, как правило, не только раздельного исследования следов на различных преградах (объект криминалиста) и трупе (объект судебного медика), но и исследования перехода одних следов в другие, прослеживания непрерывности этой информации. Совершенно очевидно, что наиболее полно изучить такой объект могут только представители смежных специальностей, а не просто разных, в этом и состоит причина привлечения их в процессуальной комплексной экспертизе. Специфику процессуальной комплексной экспертизы мы видим именно в необходимости исследования особого, интегративного объекта.

Производство такой экспертизы требует и от следователя проведения ряда определенных действий: организации повторного осмотра, предоставления материалов других следственных действий, организации работы по изготовлению макетов или других вещественных моделей и т. д.

Во всех случаях, когда отсутствует интегративный объект, нет необходимости, с нашей точки зрения, в производстве процессуальной комплексной экспертизы, оно лишь приводит к неоправданному усложнению и без того сложного для следователя этого процессуального действия и затягивает сроки расследования. Например, нет основания для назначения комплексной экспертизы и привлечения криминалиста при исследовании следов на костной ткани [54, 118]. Такие следы составляют специфический объект судебного медика: образование особенностей в этих следах часто связано с закономерностями строения самих костных тканей, криминалист не знает этих закономерностей и, следовательно, его специальные знания не сделают данного исследования более полным. Задачей комплексной экспертизы является не взаимный контроль представителей смежных специальностей [54], а получение качественно новой информации. И сама практика сейчас признала нецелесообразность производства в подобных случаях комплексных экспертиз.

Что касается проблемы процессуальной регламентации комплексной экспертизы, то она возникла лишь в связи с необоснованным сужением законодателем понятия комиссионной экспертизы. Совершенно очевидно, что комиссия может состоять как из представителей однородных специальностей, так и разнородных. В большинстве союзных УПК эта проблема разрешена отсутствием указания на характер специальных знаний привлекаемых к даче заключения нескольких экспертов.

Применение комплекса методов при исследовании объектов нетрадиционной идентификации связано с тем, что данные объекты представляют собой сложные материальные образования, части (компоненты) которых имеют, как правило, разную субстанциональную природу. Это и требует применения разных методов и привлечения разных специалистов. Однако применение комплекса методов в данной экспертизе не порождает дополнительных процессуальных прав и обязанностей. Поэтому неправомерно называть это комплексное исследование процессуальным понятием «комплексная экспертиза», безотносительно к тому, как ее именовать — монокомплексной, комплексно-вспомогательной, комплексно-кооперативной и т. д.

Выделение такого основания производства комплексных исследований, как отсутствие разработанной методики [91], вряд ли оправдано. Методика идентификации локальных участков местности разработана, но проводятся такие исследования с привлечением специалистов разных профилей. В то же время отсутствие методики не может быть компенсировано даже самым широким привлечением специалистов разного профиля. Такое исследование или будет нерезультативным, или превратит практическую деятельность в научное исследование, для завершения которого, как показывает практика, требуется нередко время, равное общему сроку расследования.

Практика производства идентификационных исследований на основе структуры и состава объектов имеет разные формы проведения этого исследования. В тех учреждениях, где есть специализация по объектам и методам, что возможно пока только в крупных центрах, созданы объектовые и методные лаборатории. И в этом случае в производстве данных исследований принимают участие специалисты разного уровня знания объекта — полного объема информации об этом объекте и отдельных его сторон, свойств, изучаемых тем или иным методом. Там, где такая специализация отсутствует, комплекс методов применяет одно и то же лицо. Фактически такой эксперт сочетает в себе и специалиста-объектника и специалиста-методника, что, конечно, в случаях сложных объектов сделать достаточно трудно.

При участии специалистов разных уровней важное значение приобретает фигура ведущего эксперта. С нашей точки зрения, достижение конечного результата идентификационного исследо-

вания зависит во многом от профессиональных и личных качеств ведущего эксперта, что требует от руководителей учреждений особо тщательного подбора таких специалистов. Права и обязанности ведущего эксперта должны быть четко регламентированы. Представляется, что основными обязанностями ведущего эксперта являются следующие: 1) координация всех видов экспертиз по представленным на исследование вещественным доказательствам. Большую актуальность имеет проблема согласования последовательности проведения КЭМВИ и судебно-медицинской (биологической, химической и др.), так как в ряде случаев данные виды экспертиз имеют в качестве объектов-носителей одни и те же вещественные доказательства. В результате неправильно определенной последовательности проведения этих экспертиз уничтожаются или частично изменяются их непосредственные объекты. Уже имеется положительный опыт создания координационного бюро по согласованию последовательности проведения разных видов судебных экспертиз, например, в Литовской ССР. В крупных регионах этот вопрос может быть решен только путем организации надведомственного центра по координации этой деятельности. При отсутствии координационных центров роль такого координатора должен взять на себя ведущий эксперт; 2) оценка соответствия объекта, выделенного следователем как отождествляемого, задаче доказывания по данному уголовному делу. Это особенно важно в тех случаях, когда объект множественный и следователь не может справиться с задачей определения отождествляемого объекта, требующей включения всех промежуточных объектов как частей целого; 3) определение комплекса методов, необходимых для решения конечной задачи криминалистической идентификации, — установление единичного объекта; 4) систематизация всех промежуточных выводов, полученных при применении методов выбранного комплекса и оценка их идентификационной значимости; 5) формулирование общего вывода на основе промежуточных выводов специалистов, участвовавших в данном исследовании. С нашей точки зрения, не столь существенным является вопрос о самой процедуре формулирования общего вывода (на чем часто заостряется внимание в литературе), коллегиально ли формулируется этот общий вывод или единолично ведущим экспертом, а затем оценивается каждым специалистом отдельно. Важно то, чтобы такое исследование заканчивалось единым выводом, представляющим синтез всех промежуточных выводов. Конкретность, четкость, профессиональная грамотность формулирования окончательного вывода лежат прежде всего на ведущем эксперте.

Анализ практики позволяет наметить некоторые пути оптимизации данного вида идентификации.

Для достижения конечной цели — выделения единичного материального образования в идентификационной методике — су-

щественно последовательное выделение индивидуализирующих признаков. Наиболее ценную интегративную информацию, отражающую взаимодействие объекта с окружающей средой, содержат его поверхностные свойства. Такими первыми индивидуализирующими признаками являются прежде всего всевозможные наслоения посторонних веществ на поверхности исследуемых объектов.

Каждая методика в качестве первого этапа должна включать исследование наслоений и всевозможных включений посторонних веществ. В настоящее время обнаружение тех или иных посторонних веществ происходит на стадии экспертного осмотра вещественного доказательства и как бы выпадает из общей схемы идентификационного исследования. Такие вещества по-прежнему еще воспринимаются как загрязнения, препятствующие проведению анализов, особенно это характерно для спектроскопистов, в исследованиях которых содержится более подробное описание, как очищались данные объекты перед анализом. Так, например, требовалось установить производственный или иной источник происхождения слитков металла. При осмотре их поверхности были обнаружены включения посторонних веществ. Однако в заключении содержится лишь описание процедуры очистки данных объектов перед спектральным анализом, вещество же включений не исследовалось, а оно могло содержать производственные загрязнения или другие специфические компоненты, указывающие на происхождение этих объектов.

При решении вопроса о комплексе методов первоначального этапа необходимо помнить о возможности исследования этих объектов и методами традиционной трасологии. Более тесная связь специалистов КЭМВИ и традиционной трасологии необходима и по другим соображениям. Представление традиционной криминалистики о том, что трасологические исследования должны всегда предшествовать другим видам исследований и, в частности, исследованию вещества объекта, не согласуется с современным пониманием свойств объекта криминалистической идентификации. Все наслоения посторонних веществ на поверхности объекта, которые могут свидетельствовать о конкретных условиях существования данного объекта, для трасолога — всего лишь загрязнения, которые препятствуют изучению трасологической информации. Поэтому они могут быть утрачены или целенаправленно уничтожены, и, наоборот, в объект могут быть внесены такие изменения, которые, с точки зрения трасолога, несущественны. Например, для обнаружения отпечатков пальцев кусок клеенки был обработан порошком окиси алюминия, что не позволило затем произвести исследование грибков плесени для выяснения происхождения загрязнений на наружной стороне клеенки.

В ряде учреждений получает распространение овладение спе-

циалистами КЭМВИ и специальностью в области традиционной трасологии. Думается, что этот положительный опыт должен быть расширен. Таким путем удастся решить рассмотренные выше проблемы.

Анализ практики показывает, что при исследовании частей объектов, имеющих собственную устойчивую форму (из стекла, керамики, пластмассы и т. д.), не всегда удается выявить в достаточном объеме интегративные признаки внешнего строения и получить положительные результаты при идентификации целого по частям при отсутствии общей линии разделения. Более широко применение методов интроскопии, по-видимому, позволит в ряде случаев получить положительные результаты.

Большую трудность представляет оценка специфичности выявленных компонентов, их идентификационной значимости. В ряде случаев для этого требуется применение узкоспециальных знаний. Комплектация экспертных учреждений специалистами узкой области знаний, конечно, задача нереальная даже для ведущих центров. В этом случае, думается, не следует переоценивать свои возможности и чаще обращаться за консультацией к узким специалистам соответствующих институтов. Частое общение со специалистами узкого профиля позволит углубить и собственные познания.

Некоторые криминалисты видят проблему идентификации единичных объемов (масс) материалов и веществ в трудности определения их целостности, неделимости. Однако практика показывает, что большую сложность представляет оценка происхождения и специфичности обнаруженных примесей, случайных компонентов и т. д. Так, например, в следах горючей жидкости с места происшествия и в бутылке с горючим, изъятой у подозреваемого, удалось обнаружить наличие постороннего вещества. Однако в процессе анализа было лишь установлено, что оно является труднолетучим. Таким образом, хотя следователю и удалось определить конкретный объем исследуемой жидкости, но выделить его единичность не представилось возможным, так как не было установлено, насколько специфична обнаруженная примесь. Это требует разработки особой методики оценки идентификационной значимости таких признаков.

Определение специфичности того или иного признака на качественном уровне возможно только в том случае, когда известно его происхождение. Такая оценка хотя и является наиболее однозначной, но не всегда осуществима, так как далеко не всегда в реальных условиях может быть прослежено конкретное происхождение тех или иных признаков. Особенно затруднительно это сделать в отношении микроэлементного состава. Здесь более реально определение идентификационной значимости признака через его статистическую значимость и устойчивость количественной характеристики. Качественный уровень методик по существу превращает их в дифференцирующие, а

не идентификационные. Статистические методы пока еще применяются в основном при оценке результатов измерений (при этом преимущественно спектральных, хотя большую сложность представляет также оценка результатов исследования с помощью электронной, люминесцентной микроскопии и др.). Использование этих методов при определении идентификационной значимости выявленных признаков и их общей совокупности уменьшает субъективный подход в оценке идентификационной информации. Нетрадиционная идентификация не должна идти в этом вопросе по пути традиционной. Например, такой подход уже наметился при оценке необходимого количества совпадающих слоев нестандартного автопокрытия, групп взаимоперешедших волокон при контактном взаимодействии, количества совпадающих элементов при определении общего источника происхождения и т. д. Совершенно очевидно, что качественные оценки в таких исследованиях должны сочетаться с количественными. Но применению статистических методов непосредственно в экспертных исследованиях должны предшествовать экспериментальное изучение наиболее распространенных криминалистических объектов и оценка результатов с использованием данных математической статистики и теории вероятностей. Только в этом случае могут быть выявлены статистические закономерности, присущие этим объектам. Пока такие исследования ведутся лишь в отношении волокон.

Как уже говорилось выше, большое значение для достижения положительного результата при идентификации единичных объектов по следам, частицам вещества имеют те методы, которые позволяют выявить признаки взаимодействия данных объектов с конкретными факторами внешней среды. Особенно расширились возможности получения такой интегративной информации с применением электронной микроскопии. Значительный объем экспериментального материала уже накоплен по ряду объектов (например, лакокрасочных автопокрытий и др.). Следует более интенсивно внедрять данные методы в практику.

Анализ применяемых методик показывает, что некоторые из них имеют одноуровневую структуру, т. е. направлены на проведение ряда независимых исследований и включают такие методы, которые дают однопорядковую информацию. Задаче криминалистической идентификации более отвечает вертикальное построение методик, где комплекс методов направлен не на «расширение» информации, а на ее «углубление», т. е. получение информации разных уровней.

В литературе и практике производства КЭМВИ пока еще не выработаны единые критерии, которые бы позволяли определять полноту методов комплексного исследования. Иногда на практике такими определителями служат имеющаяся в наличии в данном подразделении аппаратура, загруженность экспертов, немаловажное значение имеет и установка эксперта, является

ли задачей его исследования выделение конкретного объекта (максимально узкой группы).

Не получил еще своего разрешения и вопрос о том, как должны сочетаться в комплексных идентификационных методиках трасологические методы и методы КЭМВИ. Например, большинство специалистов КЭМВИ считает необходимым исследование вещества объекта, разделенного на части, и в том случае, когда дано категорическое заключение трасолога о принадлежности этих частей единому целому. Безусловно, стремление судебных экспертов как можно полнее исследовать объекты — судебные доказательства можно рассматривать как самый положительный момент. Но иногда это приводит к тому, что заключение содержит разные по степени достоверности выводы, что безусловно затрудняет в дальнейшем их использование как доказательств. Так, при исследовании кусков проволоки трасологами был дан категорический вывод о принадлежности кусков одному целому; экспертом, исследовавшим состав вещества проволоки, — вероятный. Думается, в подобных случаях следует ограничиваться трасологической экспертизой. Трасологические исследования, несмотря на субъективность ряда оценок и на простоту большинства применяемых методов, длительной проверкой их результатов практикой доказали надежность своих методов.

Сходное положение имеет место и при согласовании результатов морфологического анализа и спектральных методов, когда в первом случае выявлена индивидуальная совокупность признаков, во втором же она не выявлена или выявлены различия. Морфологические экспериментальные исследования по большинству объектов пока еще не закончились окончательно отработанной методикой, включающей оценку идентификационной значимости признаков, что сделать значительно труднее, чем в традиционной трасологии. Думается, такие исследования должны вестись более интенсивно, особенно это касается внедрения, как уже говорилось выше, объективных оценочных методов.

Идентификационное исследование объектов на основе их состава немыслимо без постоянного пользования и оперативного нахождения периодически обновляемого большого объема справочной, аналитической, оценочной информации. Поэтому будущее этого вида экспертизы, ее развитие мы видим в создании надежно работающих информационно-поисковых систем.

Многие вопросы создания ИПС уже получили подробное рассмотрение в криминалистической литературе [29, 64, 126]. Однако отдельные моменты этой сложной проблемы, по нашему мнению, еще требуют своего обсуждения. Это прежде всего касается структуры ИПС. Думается, построение классификационной схемы ИПС в соответствии с традиционно сложившимися отраслями судебной экспертизы [126] не обеспечит комплексного подхода в изучении информации о ее объектах. Современ-

ным системным представлениям более отвечает создание объектной ИПС, в основу которой должна быть положена не классификация отраслей экспертизы, а классификация объектов судебного исследования. Проектирование объектной ИПС как интегрированной на базе комплекса методов [64] обеспечит получение целостной информации о таких объектах. При этом задачами верхнего уровня такой ИПС являются, безусловно, идентификационные задачи.

При объектной ориентации ИПС является неоправданным ограничение фондов ИПС информацией только того класса экспертиз, которые проводятся в учреждениях соответствующей системы (например, Минюста) [126]. Думается, разделение судебно-экспертной информации по ведомственному признаку приведет к существенной неполноте фондов. С нашей точки зрения, представляется вообще нецелесообразным создание ведомственных информационно-центров судебной экспертизы. Такая организация ИПС не может обеспечить в полной мере высококачественного их функционирования. Ведомственная разобщенность судебной экспертизы отрицательно сказалась уже на стадии создания фондов информации — самого ответственного этапа организации ИПС. Так, например, наиболее трудоемкая и сложная работа по созданию натуральных коллекций и получению их характеристик инструментальными методами (банка данных) в ряде случаев ведется параллельно, такие фонды дублируются. В то же время большой объем работы по созданию фондов данной информации и, как правило, малочисленность участников, занятых в работе по созданию каждой коллекции, не всегда позволяют в полном объеме собрать необходимую информацию. Например, отбор образцов промышленной продукции чаще производится без выявления устойчивой совокупности признаков конкретного предприятия. Следовательно, проблема установления производственного источника непосредственно по специфическому для него комплексу признаков по-прежнему остается открытой (практика показывает, что при отсутствии этих данных экспертиза по установлению конкретного производственного источника представляет чрезвычайно сложную задачу и, требуя большой затраты времени, сил и средств, превращается из практической деятельности в подлинно научное исследование). В то же время объединение работающих коллективов позволило бы более оптимально решить задачу сбора информации. Ведомственное разобщение деятельности по созданию ИПС в некоторых случаях приводит и к тому, что в ИПС закладывается информация без учета данных, полученных в параллельном ведомстве (например, некоторых растительных объектов). Такое объединение может привести и к улучшению технического оснащения. Значительный объем работы предстоит и в дальнейшем при пользовании ИПС в связи с необходимостью постоянного, систематического обновления

банков данных, своевременного сбора и внесения изменившейся информации. Все это убеждает нас в целесообразности подготовки единых информационных фондов и создания единого информационного центра судебной экспертизы.

Большое значение для оптимизации КЭМВИ наряду с объектными фондами имеет создание фонда прецедента, где должна содержаться подробная информация об экспертизах, закончившихся установлением единичных объектов и максимально узких групп. К сожалению, такие данные еще не получили централизованного учета.

При обновлении фондов справочных данных (рецептурных, технологических и т. д.) существенно фиксировать даты выпуска новых марок, моделей, изменения видов сырья, поставщиков, технологических режимов и т. д. Такие данные позволяют шире использовать в идентификационных исследованиях временные характеристики криминалистических объектов (практика показывает, что получить точные данные по прошествии некоторого времени непосредственно на предприятиях не всегда удается).

Следует также учесть, что во многих областях уже накоплен большой опыт создания и использования ИПС, выявились положительные стороны и недостатки их функционирования (в частности, наших ИЦ, где в ряде случаев не получены ожидаемые результаты). Анализ таких данных может оказаться полезным при разработке оптимального варианта судебно-экспертной ИПС. На ЛПО «Пластполимер» создана ИПС полимеров.

Представляют интерес и некоторые сравнительно новые направления, в частности связанные с построением экспертных интеллектуальных систем. Их преимуществом является то, что они не используют машинные программы, поэтому интерпретация данных осуществляется не с помощью количественных методов, а тех же понятий и категорий, которыми оперирует эксперт (т. е. лицо, принимающее решение). Поэтому в таких системах имеется возможность объяснить, как был достигнут тот или иной результат (нет «черного ящика» при принятии решения). Некоторые системы разработаны для принятия решений, сходных с идентификационными.

§ 4. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ВЫВОДОВ В НЕТРАДИЦИОННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Анализ практики показывает, что по данному виду экспертиз выводы формулируются чаще в логической форме категорического положительного (утвердительного) или отрицательного суждения. Однако по констатации степени связи с подлежащим установлению единичным объектом выводы в данном виде идентификации существенно различаются. По этому основанию можно выделить три типа выводов: выводы с однозначной связью (единичный объект), выводы с многозначной связью опре-

деленного объема (тождество группы), выводы с многозначной связью неопределенного объема (общая родовая, групповая принадлежность; общий источник происхождения).

Выводы первого вида в настоящее время имеют место главным образом при идентификации конкретных участков местности, автомашины по микрочастицам лакокрасочного покрытия, конкретного производственного, сырьевого или другого источника.

Выводы о конкретных группах, как правило, имеют место при установлении принадлежности к классам естественно-научной, технической или криминалистической классификаций. Следует сказать, что далеко не всегда указываются конкретные группы, хотя такие данные и имеются. Конкретные выводы, даже с указанием достаточно широкого класса, имеют большее значение в доказывании, чем неопределенные. В очень редких случаях указывается объем установленного класса (группы). Сообщение таких данных очень существенно, так как помогает следователю правильно оценить доказательственное значение установленного факта.

Сведения об объеме группы эксперт должен основывать на специальных знаниях. Излишни и вообще, по нашему мнению, недопустимы в судебно-экспертном заключении оценки на основе житейских знаний, данных, почерпнутых не из специальной литературы. Например, не следует вводить в выводы такие «количественные» характеристики, как узкая, очень узкая, широкая группа. В заключении эксперта должны содержаться данные об объеме группы, почерпнутые из естественнонаучной литературы или полученные в результате специального изучения криминалистических объектов. Непосредственная же оценка значения того или иного объекта в конкретной обстановке события преступления, безусловно, задача следователя.

Высказываются также мнения, что данные об особенностях технологических процессов, о видах и марках выпускаемой продукции и т. д. должен выяснять сам следователь, а не эксперт. Представляется, что такое мнение является необоснованным. При получении таких данных, как правило, требуется оценка специалистов, к тому же часто это не просто получение сведений, справочных данных (их, как правило, или трудно получить с производства путем запросов или они неточны), а изучение самого технологического процесса, где нужны знания специалиста.

Наиболее сложна оценка распространенности групп или отдельных характеристик, выделенных на основе признаков, возникших в момент события преступлений. Нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что такая оценка должна производиться только на основе изучения следователем обстоятельств уголовного дела [71]. И в этом случае обязанность оценки распространенности, специфичности лежит прежде все-

го на эксперте, который должен производить оценку именно на основе специальных знаний, а не обстоятельств уголовного дела. Без такой оценки следователь не сможет правильно оценить и конкретные обстоятельства дела. Обстоятельства дела помогают лишь еще более конкретизировать оценку специалиста. Оценка на основе обстоятельств дела должна быть как бы подготовлена оценкой на основе специальных знаний.

Особо следует остановиться на третьей форме выводов, которая является самой большой по численности. Выводы об общей родовой (групповой) принадлежности, так же как об общем источнике происхождения, используются тогда, когда выявленная некоторая совокупность совпадающих признаков недостаточна для отнесения объектов к конкретной группе. Длительное время в экспертной практике выводы при наличии таких результатов исследования формулировались как установление однородности. Данная форма выводов подвергалась совершенно справедливой критике как неконкретная. Теперь это слово разделено на два «общий (один)» «род». Мы не видим кардинальных изменений в этом вопросе. Утверждается, что два объекта принадлежат к общему роду, т. е. одному и тому же, в то же время этот род не установлен. Понятие «род» является не собирательным понятием, а конкретной классификационной единицей в естественнонаучных классификациях, где это понятие имеет совершенно конкретное содержание, объем. Использовать понятие «род» в ином смысле правомочно только в том случае, если криминалисты сформулируют свое криминалистическое понятие, т. е. определяют его содержание и объем. Оперировать в процессе доказывания можно только такими понятиями, объем которых определен, но, по-видимому, нет необходимости в особом криминалистическом понятии рода. О том, что существует и интуитивное представление о роде как о конкретном понятии, свидетельствуют, например, такие формулировки вопросов следователей, где они разделяют слова «общий» и «род» союзом «и». Если на одежде имеется краска, то какова ее общая и родовая принадлежность? Имеет ли краска, обнаруженная на шапке, общую и родовую принадлежность с лакокрасочным покрытием автомашины МА-3-5549?

Еще более не соответствует логическому пониманию и интуитивному представлению формулировка выводов в форме общей групповой принадлежности, которая используется в том случае, когда выделены совпадающие признаки криминалистических классификаций, но конкретную классификационную единицу не удалось определить. В этом случае понятие «группа» выступает видовым понятием по отношению к роду. В общепринятом употреблении понятие «группа» обозначает или совершенно конкретную классификационную, таксономическую единицу в биологических классификациях или собирательное понятие. В последнем значении оно является более общим по отношению к

понятию «род». Именно как более широкое понятие употребляют термин «группа» при формулировании вопросов следовательно, об этом свидетельствует последовательность перечисления вопросов: первым вопросом во многих постановлениях идет как более общий вопрос об общей групповой принадлежности, вторым — о родовой. Здесь аналогичная ситуация. Если есть необходимость в криминалистическом понятии «группа», должны быть определены его содержание и объем. Без этого неправомерно вводить термин «группа» в выводы. Что такие формулировки выводов затруднительны для однозначного понимания и оценки их доказательственного значения, хорошо понимают и сами эксперты, разъясняя во многих заключениях (что делают совершенно правильно), как соотносятся по объему понятия «общая родовая» и «общая групповая» принадлежность и какое они имеют значение при процессуальном доказывании. Совершенно очевидно, что выводы в заключении эксперта как источника доказательств должны быть сформулированы таким образом, чтобы для их понимания участниками доказывания не требовалось толкования специалиста, они должны быть юридически понятными.

То же самое следует сказать и о такой формулировке, как «общий источник происхождения», которая также используется в том случае, когда выделенная совокупность признаков не позволяет определить конкретную классификационную единицу. Разница лишь в том, что понятие «общий источник» не имеет употребления в каких-то других конкретных значениях и поэтому в этом смысле может пониматься более однозначно. Но как эта, так и предыдущие формулировки направлены на то, чтобы придать конкретность выводам при неконкретном содержании результатов исследования. По нашему мнению, понятия «род», «вид», «группа» должны вводиться в выводы только в том случае, если они являются классификационными единицами (таксонами) соответствующих естественно-научных классификаций и именно они установлены в идентификационном процессе. Во всех тех случаях, когда экспертом не установлены конкретный род, вид, группа, следует формулировать выводы в общем виде о совпадении объектов по таким-то выявленным признакам, как это и делалось раньше. Констатация в выводах лишь совпадения по ряду признаков будет свидетельствовать о том, что выявлены такие признаки, совпадение которых практически не имеет значения при доказывании конкретных обстоятельств уголовного дела.

Если же установлены широкие, но все же вполне определенные классы (например, естественно-научной классификации), то следует констатировать не общую родовую принадлежность, а принадлежность сравниваемых объектов именно к этому классу в соответствии с тем классификационным названием этой единицы, которое принято в соответствующей естественно-научной

или технической классификации, давая при этом на основе специальных знаний оценку объема этого класса. Если используется техническая классификация, то в выводах должна быть указана опять же не общая групповая принадлежность, а точное наименование группы: марка, модель, партия, завод-изготовитель и т. д. При невозможности выделить конкретную группу с определенным объемом в заключении должно содержаться объяснение, по каким причинам это не может быть сделано. В таких случаях в выводах должно констатироваться лишь совпадение выявленных признаков. По мысли инициатора формулировок «родовая (групповая) принадлежность», введение этих понятий должно конкретизировать выводы. Но это может иметь место при определении их объема. При отсутствии этого условия ими можно оперировать только лишь как понятиями «внутреннего обихода» экспертов, но не процессуальными, юридическими понятиями.

Чтобы уменьшить процент неопределенных выводов по данному виду исследований, следует шире использовать методы математической статистики и теории вероятностей. В этом случае они действительно приобретают конкретность. В качестве примера таких выводов можно привести следующий: «Факт обнаружения смазки на брюках потерпевшего, обладающей признаками данной группы, может ожидаться не чаще, чем на каждой пятой автомашине».

В свое время в криминалистической литературе подробно анализировался вопрос о неправомерности формулирования выводов в идентификационных исследованиях в виде суждений невозможности. Было признано, что эта форма выводов логически неправильна и дезориентирует практических работников при оценке их доказательного значения. Однако такие формулировки по-прежнему продолжают рекомендоваться в литературе [11] и использоваться в заключениях ряда экспертных учреждений.

Большую сложность представляют оценка значимости выявленных признаков и формулирование выводов при идентификации конкретных объемов (масс) веществ. Высказываются разные мнения по этому поводу. Одни авторы считают, что такую оценку должен производить следователь, исходя из обстоятельств дела [71]. Такое расширение роли следователя нереально. В выводах следует указывать лишь специфичность выявленного состава данного объема (массы) и не констатировать принадлежность частей единичному целому, поскольку такие объекты могут быть поделены на любое количество частей и использоваться другими лицами в момент события преступления [108]. С нашей точки зрения, во всех случаях, когда не доказана неделимость этих объектов, вывод о едином целом следует формулировать в форме условного суждения.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
7. Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М., 1974.
8. Арсеньев В. Д. Вопросы экспертной идентификации в судебном доказывании. — Груды ВНИИСЭ, вып. 8. М., 1974.
9. Афанасьев Г. О целостных системах. — Вопросы философии, № 6, 1980, с. 62—78.
10. Афанасьев В. Т. Общество: системность и управление. М., 1981.
11. Афанасьева Л. И., Вртанесьян Э. В., Ганина И. А. и др. Текстильные волокна — источник розыскной и доказательственной информации. Ч. II. М., 1982.
12. Афлитунов А. М., Исханова А. М. Методические вопросы оценки признаков криминалистического исследования волокон. — В кн.: Материалы Всесоюзного научно-практического семинара по волокнистым материалам. Баку, 1977.
13. Барашенков В. С. Существуют ли границы науки. Количественная и качественная неисчерпаемость материального мира. М., 1982.
14. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. I. М., 1977.
15. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Т. II. М., 1978.
16. Беляева Л. Д. Некоторые аспекты проведения осмотра места происшествия при назначении криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий из них. — В кн.: Теория и практика судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий, вып. 51. М., 1981.
17. Беляева Л. Д. Современное состояние и пути совершенствования криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий. — В кн.: Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983.
18. Берзин В. Ф., Ковальчук З. А., Меленевская З. С. Об идентификационной задаче комплексной экспертизы вещественных доказательств. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 26—27. Киев, 1983.
19. Берлянд Г. С. Логические основания выводов следователя (суда) о взаимодействии объектов, идентифицированных экспертом. — В кн.: Развитие гражданского, уголовного и процессуального законодательства в советских республиках Прибалтики (1945—1975). Рига, 1975.
20. Бершадский Е. М. Использование статистических данных в экспертизе волокнистых материалов. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 20. Киев, 1980.
21. Бибиков В. В. Классификационная система признаков и моделирование материального объекта неживой природы в криминалистике. — В кн.: Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983.
22. Бойко А. П. Логический анализ структуры классификации. М., 1983.
23. Бутрименко Г. Г., Красильщик В. З. Аналитические возможности спектрального метода анализа с использованием индуктивно-связанной плазмы. Обз. информ. НИИТЭХИМ. Сер. «Реактивы и особо чистые вещества». М., 1982.
24. Вандер М. Б. Современная криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Л., 1982.

25. Верхаген К., Дейн Р., Грун Ф. и др. Распознавание образов: Состояние и перспективы. М., 1985.

26. Виденин В. И. Некоторые вопросы классификации, группировки и установления групповой принадлежности в теории и практике советской криминалистики.— В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1974.

27. Винберг А. И. Насущные вопросы теории и практики судебной экспертизы.— Советское государство и право, 1961, № 6, с. 74—82.

28. Винберг А. И., Малаховская И. Р. Судебная экспертология. Волгоград, 1979.

29. Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н. К проблеме объектов судебной экспертизы.— В кн.: Общетеоретические вопросы судебной экспертизы. М., 1982.

30. Винберг А. И. Значение философской категории «свойство» в экспертном исследовании объекта.— Экспресс-информация ВНИИСЗ, вып. 5. М., 1983.

31. Винберг Л. А. Сравнение как метод исследования в криминалистической идентификационной экспертизе. М., 1972.

32. Воронков Ю. М., Воронин Ю. Ф., Пожарский В. А., Корнеев В. А. Комплексное исследование микроколичеств люминесцирующих веществ неорганической природы.— Экспресс-информация ВНИИСЗ, вып. 21. М., 1980.

33. Гегель Г. Наука логики. Ч. 2. М., 1971.

34. Гегечкори Л. А. О некоторых возможностях применения дисперсионного анализа в судебно-экспертных исследованиях.— Экспресс-информация ВНИИСЗ, вып. 9. М., 1984.

35. Гордон Б. Е. О систематизации спектральных методов исследования в криминалистической экспертизе материалов, веществ и изделий.— В кн.: Судебная экспертиза и криминалистика, вып. 21. Киев, 1980.

36. Готт В. С., Семенюк Э. П., Урсул А. Л. Категории современной науки. М., 1984.

37. Грановский Г. Л. Свойства как объекты экспертного исследования и их признаки.— Экспресс-информация ВНИИСЗ, вып. 6. М., 1983.

38. Жгенти О. В. Классификация судебных экспертиз.— В кн.: Общетеоретические проблемы судебной экспертизы. М., 1982.

39. Каминская В. А., Нипура А. А. О проблеме идентификации энергетических объектов и процессов.— В кн.: Кибернетику на службу коммунизму. Т. 8. М., 1977.

40. Карабач М. Л. Криминалистическая оценка данных количественного лазерного микроспектрального анализа экспертных образцов автоэмалей.— Экспресс-информация ВНИИСЗ, вып. 8. М., 1979.

41. Кентлер Р. А. О сущности идентификации вообще и юридической в особенности.— В кн.: Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Душанбе, 1962, с. 87.

42. Кириллов В. И. Логика познания сущности. М., 1980.

43. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М., 1982.

44. Кисин М. В., Паршиков Ю. И., Вртанесьян Э. В. и др. Исследование деструктивных изменений волос и искусственных волокон методом растровой электронной микроскопии. М., 1983.

45. Кирсанов З. И. Криминалистическое распознавание и диагностика.— В кн.: Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. М., 1983.

46. Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963.

47. Кнорре А. Г. Уровни биологической индивидуальности.— В кн.: Проблемы целостности в современной биологии. М., 1968.

48. Колдин В. Я. Некоторые вопросы индивидуализации идентифицируемых объектов в процессе судебной экспертизы.— В кн.: Проблемы судебной экспертизы, вып. 1. М., 1961.

49. Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969.

50. Колдин В. Я. Идентификация при расследовании преступлений. М., 1978.
51. Колмаков В. П. Идентификационные следственные действия. М., 1977.
52. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1975.
53. Кордонский С. Т. Таксоны и аналитические объекты как системы. — В кн.: Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1983.
54. Корноухов В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск, 1982.
55. Корухов Ю. Г. Соотношение категорий экспертных задач: идентификационных, классификационных, диагностических. — В кн.: Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. М., 1984.
56. Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
57. Кострова К. А., Золотаревская И. А. Возможности использования просвечивающей электронной микроскопии для криминалистического исследования пластических смазок. — Экспресс-информация ВНИИЗС, вып. 19. М., 1978.
58. Криминалистика / Под ред. А. Я. Вышинского. М., 1935.
59. Криминалистика / Под ред. И. Ф. Крылова. Л., 1976.
60. Криминалистика / Под ред. И. Ф. Пантелеева и Н. А. Селиванова. М., 1984.
61. Крон Г. Исследование сложных систем по частям — диакоптика. М., 1972.
62. Кудрявцев А. А. Возможности дифференциации резины автомобильных покрышек по спектрам электронного парамагнитного резонанса. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9. Киев, 1979.
63. Курашов В. И., Соловьев Ю. И. О проблеме «сведения» химии к физике. — Вопросы философии. № 6, 1984, с. 89—98.
64. Курдюков Г. М., Трус Б. В. Обобщение опыта и перспективы разработок информационно-поисковых систем для судебно-экспертных исследований. — Экспресс-информация ВНИИЗС, вып. 11. М., 1984.
65. Леонов В. А., Гурикова Л. М. Криминалистическое исследование слоистой структуры листового стекла. — Экспресс-информация ВНИИЗС, вып. 23. М., 1982.
66. Лисиченко В. К. К вопросу о предмете и системе криминалистической экспертизы. — Материалы 4-й расширенной научной конференции. Киев, 1959.
67. Лукьянов И. Ф. Сущность категории свойство. М., 1982.
68. Лукьянов И. Ф. Логико-методологические проблемы определения категории отражения. Владивосток, 1984.
69. Майорова Г. В., Афанасьев А. В., Яковлев А. Д. Применение метода флуоресцентного спектрального анализа для изучения старения лакокрасочных покрытий. — Лакокрасочные материалы и их применение, 1985, № 1, с. 32—34.
70. Маланьина Н. И. Криминалистическое исследование стекла. Саратов, 1984.
71. Митричев В. С. Криминалистическая идентификация целого по частям. — В кн.: Теория и практика идентификации целого по частям, вып. 24. М., 1976.
72. Митричев В. С. Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1980.
73. Морфологические особенности лакокрасочных материалов и покрытий, выявляемых методами оптической и электронной микроскопии (методические рекомендации). М., 1980.
74. Москвина Т. П. Основные пути развития морфологического анализа полимеров в судебной экспертизе. — В кн.: Теория и практика судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий, вып. 51. М., 1981.
75. Мукашев З. А. Суммативность и целостность. — В кн.: Проблемы целостности в современной биологии. М., 1968.

76. Назначение криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. — Методические рекомендации. Л., 1984.

77. Никитченко В. С. Сущность и явление в соотношении с другими категориями. Ташкент, 1982.

78. Одинокина Т. Ф. Использование кюветного варианта атомно-абсорбционного анализа для исследования криминалистических объектов. — В кн.: Материалы 7-й Уральской конференции по спектроскопии. Свердловск, 1971.

79. Орлов Ю. К. Спорные вопросы теории идентификации. — В кн.: Проблемы теории судебной экспертизы, вып. 44. М., 1980.

80. Орлова В. Ф., Шляхов А. Р. Принципы классификации задач криминалистической экспертизы. — В кн.: Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. М., 1984.

81. Павлов А. И. О возможности методов рентгенографии при криминалистическом исследовании полимерных материалов, веществ и изделий из них. — В кн.: Теория и практика судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий, вып. 51. М., 1981.

82. Павлов В. Т., Руденко К. Ф., Семенов И. С. и др. Логические методы и формы научного познания. Киев, 1984.

83. Павлов Т. Теория отражения: Избранные философские произведения. Т. 3. М., 1962.

84. Пахарь Л. И. Функциональное отражение: Философско-методологический анализ. Рига, 1984.

85. Подкорытов Г. А. Принцип конкретности и его роль в познании. — В кн.: Логика и философские категории. Л., 1982.

86. Полевая Н. С. Криминалистическая кибернетика. М., 1982.

87. Поталов С. М. Принципы криминалистической идентификации. — Советское государство и право, 1940, № 1, с. 66—81.

88. Пучков В. А. Судебное материаловедение. — Социалистическая законность, 1979, № 7, с. 61—62.

89. Пучков В. А. Теоретические и методические основы решения задачи о факте контактного взаимодействия комплектов одежды между собой и с другими объектами. — Экспресс-информация ВНИИСЗ, вып. 4. М., 1983.

90. Пучкова Г. М. Сущность и классификация задач в судебных экспертизах. — В кн.: Теоретические и практические вопросы судебной экспертизы. М., 1980.

91. Пучкова Г. М. Комплексные исследования в рамках экспертизы материалов, веществ и изделий из них. — В кн.: Теория и практика судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий, вып. 51. М., 1981.

92. Пчелинцев А. М. Количественная информация в криминалистической идентификационной экспертизе. — В кн.: Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983.

93. Райбман Н. С. Что такое идентификация? М., 1970.

94. Розова С. С. Классификация как метод научного познания. — В кн.: Философские проблемы сознания и познания. М., 1965.

95. Розова С. С. К вопросу о соотношении группировки и классификации. — В кн.: Проблемы исследования систем и структур. М., 1965.

96. Романов Н. С. Гносеологическая природа судебно-экспертной диагностики. — В кн.: Современные проблемы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983.

97. Романов Н. С. Факт контактного взаимодействия объектов как предмет судебно-экспертного исследования. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 29. Киев, 1984.

98. Ростов М. Н., Тахо-Годи Х. М. К вопросу о классификации объектов, задач и методов экспертного исследования. — В кн.: Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. М., 1984.

99. Савинов А. В. Логические законы мышления. Л., 1968.

100. Садовский В. П. Системный подход и общая теория систем:

статус, основные проблемы и перспективы развития. — В кн.: Системные исследования. М., 1980.

101. Салтевский М. В. Идентификация и установление групповой принадлежности. Харьков, 1965.

102. Салтевский М. В. Объекты идентификации и установления групповой принадлежности. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 2. Киев, 1965.

103. Сегай М. Я. Методология судебной идентификации. Киев, 1970.

104. Седова Т. А. Исследование резины методом МНПВО. — В кн.: Химические и физические методы исследования материалов, веществ и изделий. М., 1976.

105. Седова Т. А. Применение спектроскопии внутреннего отражения в судебной экспертизе. Л., 1978.

106. Селиванов Н. А. Научно-технические средства расследования преступлений: Автореф. докт. дис. М., 1965.

107. Селиванов Н. А., Тенасевич В. Т., Эйсман А. А. и др. Советская криминалистика: Теоретические проблемы. М., 1978.

108. Селиванов Н. А., Эйсман А. А., Грабовский В. Д. и др. Теория криминалистической дифференциации и дидактические вопросы специальной подготовки сотрудников аппаратов ВХСС. Горький, 1980.

109. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: Система понятий. М., 1982.

110. Селиванов Н. А. Понятие и виды криминалистической экспертизы. — В кн.: Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983.

111. Смирнов В. К., Козлова Л. Н., Тапалова Р. Б. Некоторые особенности изменения структуры волокон хлопка, обусловленные технологией переработки и условиями эксплуатации. — Экспресс-информация ВНИИСЗ, вып. 11. М., 1976.

112. Смушок А. И. Использование криминалистической экспертизы лакокрасочных материалов и лакокрасочных покрытий в уголовном судопроизводстве. — Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 23. Киев, 1981.

113. Снетков В. А. Понятие судебной диагностической экспертизы. — В кн.: Современные проблемы судебной экспертизы и пути повышения эффективности деятельности судебно-экспертных учреждений в борьбе с преступностью. Киев, 1983.

114. Уемов А. Н. Вещи, свойства, отношения. М., 1963.

115. Украинцев В. С. Отражение в неживой природе. М., 1969.

116. Ушакова О. М., Гордон Б. Е. Оценка экспертом результатов минералогического анализа при судебно-почвоведческой экспертизе и пути повышения его эффективности. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 28. Киев, 1984.

117. Шестулин А. П. Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973.

118. Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск, 1976.

119. Шляхов А. Р. Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. № 9—10. М., 1962.

120. Шляхов А. Р. Классификация и перечень основных методов судебной экспертизы. М., 1977.

121. Шляхов А. Р. Классификация судебных экспертиз. Волгоград, 1980.

122. Шляхов А. Р., Давудов Ф. Э. Сущность криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий из них (КЭМВИ). — Правоведение, 1983, № 6, с. 71—77.

123. Шляхов А. Р. О свойствах объектов и их отображениях, изучаемых судебными экспертами. — В кн.: Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. М., 1984.

124. Эйсман А. А. Некоторые вопросы теории исследования вещественных доказательств. — В кн.: Вопросы криминалистики, вып. 5. М., 1962.
125. Эйсман А. А. Заключение эксперта. М., 1967.
126. Эйсман А. А., Эджубов Л. Т. Информационное обеспечение и автоматизация судебной экспертизы. — В кн.: Вопросы судебных экспертиз, вып. 43. М., 1980.
127. Южаков В. Н. Система, целое, развитие. Саратов, 1981.
128. Audette R. J., Perey R. F. A rapid systematic and comprehensive classification system for the identification and comparison of motor vehicle paint samples. — J. Forens. Sci., 1979, vol. 24, N 4, p. 790—807.
129. Bluckledge R. D. Examination of automobiled rubber bumper guards by attenuated total reflectance spectroscopy using a Fourier transform infrared spectrometer. — J. Forens. Sci., 1981, vol. 26, N 3, p. 21—25.
130. Graves W. J. A mineralogical soil classification technique for the forensic scientist. — J. Forens. Sci., 1979, vol. 24, N 2, p. 323—337.
131. Gustavson I. Survey of applications of identification in chemical and physical processes. — Proceedings of 3rd IFAC Symposium on Identification and System Parameters Estimation. The Hague (Delft, 1973).
132. Helbig W. Über die Probleme der kriminalistische Chemie. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldtuniversität zu Berlin, 1982, N 2, S. 238—245.
133. Howden C. R., Dabley R. J., Smalldon K. W. The non-destructive analysis of single-layered household paint using energy dispersive X-ray fluorescence spectrometry. — J. Forens. Sci. Soc., 1977, vol. 17, N 2, p. 164—171.
134. Howden C. R., Dabley R. J., Smalldon K. W. The analysis of small glass fragments using energy dispersive X-ray fluorescence spectrometry. — J. Forens. Sci. Soc., 1978, vol. 18, N 1, p. 99—108.
135. Ingham J. D., Lawson D. D. Thermoluminescence: potential application in forensic science. — J. Forens. Sci., 1973, vol. 18, N 3, p. 217—225.
136. Laklandy Kriminalistiky. Praha, 1976.
137. Maehly A., Strömberg L. Chemical criminalistics. Berlin; Heidelberg; New York, 1981.
138. Schiller W., Röm E. Die Vergleichungsanalyse des Bodens in der Kriminaltechnik. — Kriminalistik, 1977, N 10, S. 439—443.
139. Schmitt R., Smith V. Identification of origin of glass by neutron activation analysis in a forensic case. — J. Forens. Sci., 1970, vol. 15, N 3, p. 252—257.
140. Stelzer E. Sozialistische Kriminalistik. Berlin, 1977, Bd. 1.
141. Янков М. Материя, информация, отражение (философско-методологические контрверзи). София, 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

глава I. Основные положения теории криминалистической идентификации	3
§ 1. Понятие криминалистической идентификации	—
§ 2. Понятие объекта криминалистической идентификации	9
§ 3. Виды криминалистической идентификации	22
глава II. Методологические проблемы криминалистической идентификации объектов на основе структуры и состава	40
§ 1. Гносеологические аспекты криминалистической идентификации объектов на основе структуры и состава	—
§ 2. Классификация объектов	50
§ 3. Понятие идентификационных признаков и их классификация	56
§ 4. Виды криминалистической идентификации объектов на основе их структуры и состава	63
глава III. Проблемы современной практики криминалистической идентификации объектов на основе их структуры и состава	69
§ 1. Роль следователя, специалиста и эксперта при собирании материалов для нетрадиционной идентификационной экспертизы	—
§ 2. Основные современные инструментальные методы комплексного идентификационного исследования материалов и веществ	75
§ 3. Некоторые аспекты комплексной идентификационной методики	85
§ 4. Спорные вопросы формулирования выводов в нетрадиционной идентификационной экспертизе	94
примечания	100